

Дарья Калинина

Сезон охоты на мужей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина
Сезон охоты на мужей
Серия «Иронический
детектив (ЭКСМО)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19188408

Сезон охоты на мужей / Дарья Калинина: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-98295-0

Аннотация

Ура, лето! На болотах поспевают морошка, в огородах – картошка, а в городах и в деревнях открыт сезон охоты на женихов. Обидно только, что раньше секреты приманивания и обольщения были известны каждой уважающей себя девушке, а в нынешние времена искусству расставлять капканы на мужчин нужно учиться специально – как лицензию получать на отстрел особо ценных экземпляров, обитающих в дикой природе. У Катюши, конечно, все получится, а что сил эта охота потребует немалых – так на то, девушки, и борьба за трофей особой категории сложности!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	68
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дарья Калинина

Сезон охоты на мужей

Глава 1

Замуж Катьке хотелось отчаянно. И чем дальше, тем больше. Вот странная штука. Казалось бы, со временем эта тяга должна ослабеть, а нет, ее все круче забирало. Катька даже сама себе удивлялась, откуда это желание только берется?

Ведь с другими желаниями дело обстояло совсем иначе. Вот взять, к примеру, туфли красного лака, которые она видела на картинке в журнале, или платье с вышивкой мелким жемчугом по лифу, которое выставлялось в витрине на Невском. Их Катюше тоже какое-то время отчаянно хотелось. Но ведь похотелось, похотелось и все, перехотелось. Нормально теперь. Другие какие-то интересы и желания в жизни появились. И они полностью затмили и платье, и туфли.

Катьке и бабушка ее в детстве всегда говорила: «Хочется – перехочется». Вообще поговорок на всякие случаи жизни у бабушки было предостаточно. К примеру, начнет кто-нибудь размышлять да мечтать, ясное дело, чаще всего этим грешила сама Катюша, бабушка ее мигом к реальности вернет: «Абы да кабы, да росли бы во рту грибы, так был бы это не рот, а целый огород!» А если уж совсем размечтает-

ся внучка о чем-то чересчур шикарном, то у бабушки новая поговорка: «По одежке протягивай ножки!» И думай после этого, как это их тянуть и куда.

Так вот, насчет «перехочется». Ткнет Катька, бывало, пальчик в соблазнительное эскимо, а у самой ангина, дома уже третью неделю сидит, в садик не ходит. Капризничает: «Хочется!» А бабушка ей невозмутимо свое талдычит: «Хочется – перехочется». И точно, глянь, а эскимо совсем уже и не хочется, а хочется, наоборот, эклеров с заварным кремом или торт с желтыми кремowymi розочками. А бабушка снова свое: «Хочется – перехочется». Вот и поговори с ней.

И так все в жизни, что Катьке хотелось, либо у нее сбылось, либо как-то само собой постепенно перехотелось. А вот это самое проклятое «замуж» и не сбылось и не перехотелось до сих пор. И что Катьке в связи с этим было делать?

Нет, какое-то время она смиренно ждала, когда судьба найдет ее сама. Ведь не даром же умные люди говорят, что судьба, она найдет и под кроватью. Но у Катьки, похоже, была какая-то особенно ленивая судьба, которая совсем к ней не торопилась. Катька ждала, ждала, а судьбе было хоть бы хны.

Катька и весточки своей судьбе слать пыталась. Всю стену у себя в комнате в зоне, по уверениям дизайнера, ответственной за любовь, в красный цвет выкрасила. Полностью по фэн-шуй. Хотя изначально по задумке дизайнера там светло-бежевую цветовую гамму планировалось устроить. Но до

дизайна ли, знаете, когда дело уже к тридцати катит, а судьба к тебе все не торопится.

Трусы Катька опять же исключительно алые и на всякий случай кружевные носила. Хоть под джинсы, хоть под белую юбку, хоть под вечернее облегающее платье, плевать, что просвечивает. Все опять же для того, чтобы судьба ее намеком поняла и к ней поспешила. Не помогало.

– Ты активней мужика себе ищи, – советовали Катьке опытные подруги. – Хватит ждать. Чего ты просто сидишь? Теперь все в Сети знакомятся. Зарегистрируйся всюду, где можешь. Фотки посимпотней на страничках выложи. И всюду пиши, что находишься в активном поиске. Ты девка молодая, должно сработать.

И дело пошло. Мужчины принялись оделять Катьку своим виртуальным вниманием. Некоторые даже на встречу в реальном мире соглашались. Вот только кавалеры, которые теперь случались в жизни у Катьки, почему-то все хотели поскорее уложить ее в постель. Желательно уже после пяти минут знакомства. Когда Катька отказывалась, они искренне удивлялись и спрашивали, что же с ней такое? Болеет? Или что? С головой не дружит? Какая баба в здравом уме от своего женского счастья отказывается?

– Зачем же ты встречу назначала, если не для этого?

– Познакомиться хотела.

– Сто лет знакомы.

– Понимаешь, я ведь замуж хочу. Всерьез.

– А может, у меня как раз серьезные намерения насчет тебя? А может, я и жениться могу?

Вот это и настораживало. Получалось, что кавалер и сам не до конца уверен, может он жениться на Катьке или нет.

Но все когда-нибудь заканчивается. Кончилось терпение и у Катьки. Нет, замуж ей не расхотелось, но терпеть дольше это издевательство она тоже не хотела. И ударилась Катька в другую крайность, на случайных знакомых забила, а связалась со святошами. Как-то незаметно это у нее получилось. Один раз ходила на собрание церковной общины, второй, третий. Люди все такие милые, приветливые, улыбаются. Все друг друга любят, все друг другу братья и сестры. Прелесть!

– Сестра! Ты же нам сестра!

– Приходи почаще, Катюша. Всегда тебе рады.

И обнимали. И целовали, казалось, без всякой задней мысли. И особенно старался отец Анатолий, который в общине был главным. Он и мужчина был хоть куда. И борода. И говорил складно. А уж какие проповеди о семейной жизни читал! Прямо заслушаешься!

Катька такими новыми отношениями с членами общины очень впечатлилась. У нее самой семья была исключительно неверующая. Папа с мамой были воспитаны воинствующими атеистами; дед, тот вообще коммунистом был еще старой закалки: церкви закрывал собственными руками и с мракобесием боролся, искренне считая, что простому советскому человеку такое наследие прошлого в светлом коммунисти-

ческом будущем не нужно. Там все люди и так будут братьями и сестрами и без поповской указки. Но так как светлого коммунистического будущего не случилось, дед впал в уныние и озлобление, и в последние годы общение с ним было делом тяжелым.

Родители свою единственную дочь особенной теплотой тоже не баловали, не такие были люди. Ведь сыта, обута, одета, на работу пристроилась, себя худо или бедно обеспечивает, а что еще девке надо? Замуж? Ну, не всем же замужем быть. В общем, родители тягу Катьки к замужеству не очень понимали. Внуков хотели, как же без внуков-то? Должен же род продолжаться. Но детьми можно прекрасно обзавестись самостоятельно, муж в этом деле совсем даже не нужен.

– Если так приспичило, так выбери себе поздоровей мужичка да и рожай от него для себя. Уж одного-то мы с отцом тебе поднять поможем. Неужели трое взрослых и одного сопляка не прокормим?

Но Катька, которую уже основательно затянула церковная жизнь, теперь желала исключительно замуж. Да еще так, чтобы непременно венчаться. И это здорово усложняло ей условия поиска. Потому что получалось приблизительно так:

Катька: «Квартира у меня есть. Родители живут почти круглый год на фазенде за городом. Если и приедут, так разве что для того, чтобы огурчики-помидорчики и яички от курочек завезти. Если хочешь, можем жить у меня».

Кавалер: «Что же, если так, то можно и пожить. Только

учти, я по хозяйству ничего делать не буду. Знаем! Проходили мы это! Используешь меня, а потом выставишь».

Катька: «Что ты! И в мыслях такого не было! Сама все и приколочу, и передвину, и карнизы повешу. Опыт такой имею. А когда мы с тобой в ЗАГС пойдем?»

Кавалер: «Э-э-э... ЗАГС? Зачем же обязательно сразу в ЗАГС?»

Катька: «В храме без печати из ЗАГСа не венчают»

Кавалер: «А-а-а... Так ты еще и венчаться хочешь?!»

Катька: «Обязательно. Кстати, ты крещеный? Потому что если нет, то придется сначала тебе креститься».

Кавалер: «Слушай, тут такое дело... одним словом, я одну вещь в машине забыл, сейчас схожу за ней».

Уходил и исчезал бесследно! И на звонки не отвечал. И страничку для Катьки блокировал. Совершенно непонятно, кстати говоря, почему.

И получалось, что если просто пожить гражданским браком с симпатичной девушкой с отдельным жильем и, как говорится, без особых материальных проблем, такие претенденты еще находились, но уже при упоминании насчет фиолетовой печати в паспорте мужчины как-то начинали странно тосковать. А когда невеста заговаривала и о таинстве венчания, которым надо было сочетаться в храме, мужики элементарно сбегали.

В общем, не везло Катьке в личной жизни. Не везло, хоть ты плачь.

И отец Анатолий – душка такой – все чаще начинал заговаривать с Катей о монашеской жизни. Мол, нечего ей тут в миру одной болтаться, негоже это, и до греха пять минут.

– Женщине надо либо замуж выходить и детей рожать, тем спасаться, либо, уж если не получается, в монастырь уходить. Ни к чему ей одной в миру делать и соблазн плодить.

Надо сказать, что Катька в монастырь до того несколько раз уже пыталась втереться. Первый раз, когда, упав на колени, она умоляла оставить ее в монастыре, ей старцы прямо указали на дверь, сказав, что у них в мужском монастыре она точно не уживется и чтобы уж возвращалась в мир и там искала себе мужа. Второй раз оказался более удачным. Благодаря тому, что второй монастырь был женским, Катьке удалось туда просочиться и продержаться там целых три недели. Через три недели ей дали первый выходной день, и Катька тут же от них удрала. Только пятки засверкали. Денег на дорогу домой у нее не было, но это ее не смутило. Добралась до дома на попутках. Ничего, не страшно. После монастырской трапезной с длинной вереницей тарелок, кастрюль, сковородок и чугунков все прочие трудности уже не так сильно и пугали.

И потом Катька еще долго на протяжении многих месяцев, а то и лет с содроганием вспоминала ту монастырскую каторгу, подъем в семь, отбой после полуночи – а иначе всю порученную тебе работу нипочем не выполнишь.

В общем, оказалась Катька к монастырской жизни совсем

не готова. Поэтому призыв отца Анатолия к монашеству вызывал в ней сейчас легкое смущение. А отец Анатолий настаивал.

– Поезжай. Я – духовником, ты – послушницей. Нечего тебе одной в пустой квартире куковать. Долго ли и до греха? А там я с тобой буду. Укреплю тебя в твоём намерении, не позволю в сторону свернуть. И матушка Анна с нами поедет.

Это он зря сказал. Матушка Анна на дух не переносила Катюку. Почему так случилось, девушка объяснить не могла. Но матушка Анна то ли ревновала ее за близость к своему мужу – отцу Анатолию, то ли просто невзлюбила, как это случается, но с Катей эта женщина разговаривала исключительно цедя слова сквозь зубы.

Впрочем, звал отец Анатолий не одну лишь Катюку. Все-го он в качестве будущих монахинь наметил группу молодых женщин, вполне себе таких крепких физически, потому что будущая обитель еще только строилась и потрудиться там предстояло изрядно. Всех этих молодых женщин Катюка знала очень хорошо, со многими приятельствовала, а с одной, Яной, так и вовсе крепко дружила. Именно Янка и подбила нашу Катюшу на эту поездку. Именно она, а вовсе не отец Анатолий.

– Я точно поеду, – заявила она Катюке. – И тебя с собой беру. Еще Наташа с Верой поедут. Вчетвером отлично в моей машине уместимся. В тесноте, да не в обиде.

Катя колебалась, взвешивала «за» и «против». На дворе

стояла зима. До начала полноценного туристического сезона еще добрых два, а то и три месяца. Катя работала экскурсоводом и потому в зимние месяцы обычно тосковала без дела. И как ни старалась Катя, никаких предлогов для отказа ей найти не удалось. И хотя она чувствовала, что включается в какую-то авантюру, исход которой был малопонятен для нее самой, Катюшка все-таки ответила согласием.

– Ладно. Если на твоей машине, то я согласна. Поехали.

– Отлично! – непритворно возликовала Янка. – Как нам будет весело вчетвером! Отец Анатолий пообещал выделить нам отдельную теплую келью, где будем находиться только мы четверо.

Катю смутило это «только мы четверо», она как-то привыкла жить сама по себе и в отдельной квартире, но потом она подумала, что вместе с девчонками и впрямь веселей будет. И для разнообразия такое тесное соседство вовсе даже неплохо.

Всю прелесть такого соседства Кате пришлось вкусить уже очень скоро. Когда Яна заехала за ней и они спустились к машине, у Кати в первый раз возникло опасение, а не погорячилась ли она, дав согласие на поездку. У Яны была крохотная малолитражка, а девушки в их компании все подобрались как на подбор крупные и дородные, так что машинка жалобно заскрипела, когда они в нее загрузились. Багажник был забит сумками, пакетами и баулами под завязку. Сунуть туда хотя бы кружку уже не представлялось возможным. Так

что Катины вещи подружки распределили по салону: частично взяли к себе на колени, частично привязали снаружи. И все, поехали.

Машина скрипела и грозилась развалиться на части. Катя оказалась затиснутой между дверцей, чьей-то сумкой и Наташей, голова которой упиралась в потолок и потому немного кривилась в сторону, причем опять же в Катину.

– Ничего, скоро привал, – ободряла всех Вера. – Часть провизии съедим, сразу в машине свободней станет!

С привалом решили не тянуть, из-за тесноты в машине возникала угроза задохнуться. Как только впереди замаячил знак зеленой остановки, машину остановили, а сумки с провиантом поспешно перетащили под навес, где уже стоял деревянный стол с лавочками. И пир начался.

Прихваченных из дома пирожков, запеканок, котлет и запеченной буженины было так много, что, когда девчонки их разложили на столе, Катя сначала засомневалась, смогут ли они осилить и половину? Но как-то осилили. Утрамбовали в себя, запили лимонадом и поехали дальше.

В салоне багажа уменьшилось, стало свободно, но как-то снова душно. Сожранные девками котлеты подступали к горлу, мешая воздуху нормально циркулировать в легкие и обратно.

– Ой, не могу! – первой взмолилась Вера. – Давайте прогуляемся. Растрясем съеденное.

Прогулялись. Растрясли. Вроде бы отпустило. Попили

чайку из термоса, стало совсем хорошо. Попили еще, вообще красота. Поехали дальше. Но вскоре Наташа заерзала на сиденье. Спустя какое-то время начала елозить и Вера. Потом и Яна начала кряхтеть и подпрыгивать. Катя тоже чувствовала в организме какое-то неудобство.

– В туалет-то как хочется, – простонала Янка. – Выйдем!

Вышли. По рыхлому снежку потрусили в лес, проваливаясь где по колено, а где и по пояс. Зимние голые деревья и кусты представляли собой плохое укрытие. А девушки подобрались стеснительные. Каждой хотелось укрыться не только от глаз проезжающих мимо водителей, но и от взглядов подруг. Так что плутали по лесу в поисках подходящего местечка они долго. Но ничего, справились. Снова собрались у машины, пересчитали друг друга, и тут выяснилось, что одна из них пропала.

– Янка сгинула!

– Ладно бы какая другая! – огорчилась Вера. – А то как мы без Янки поедem?

Ситуация была тупиковая. Уходя в лес, Янка закрыла машину на ключ. И теперь трое девчонок оказались перед закрытой машиной, в которой находились и их вещи, и деньги, и телефоны, и все-все-все. Катька снова начала жалеть, что ввязалась в эту авантюру. Напрасно она поехала. И время какое-то неподходящее. Рождество и Крещение уже прошли. До Масленицы еще целых две недели. Как чувствовала, не надо было ехать.

Но теперь уже что говорить? Дело сделано, дура замужем.

Янку искали долго. Кричали, аукали, замерзли, промочили ноги, сами промокли, но в конце концов докричались. Оказалось, что Янка слишком углубилась в лес, там она заблудилась и пошла на шум голосов.

– Думала, что это вы. А подхожу, вижу, какие-то другие бабы сидят. Двое их было. Хотела уже повернуть назад, да вдруг слышу, как они про отца Анатолия говорят.

– Про нашего отца Анатолия?

– Вроде как.

– Знакомые его? – продолжали допытываться подружки.

– Кто они такие?

– Ты к ним подошла? Расспросила?

Янка поморщилась.

– Нет. Не стала.

– Почему?

– Да они как-то нехорошо о нем говорили. Я не очень поняла, слышно было плохо, я все же далеко стояла, но одна вроде как отцу Анатолию чуть ли не смертью грозилась. А другая ее уговаривала, что нахрапом здесь не возьмешь, что действовать надо тихой сапой, таким образом своего быстрее достигнешь.

– Они ему вредить собрались?

– Я так поняла.

– А кто они такие?

– Откуда же мне знать?

– А выглядели как?

– Я не очень-то разглядела. Одна в пальто была темном. На каблуках высоченных. Волосы длинные и темные. По плечам распущены. Другая в шубе тоже темной и шапке, волос под ней не разглядеть. По голосу так еще не старые, но и не очень молодые. Думаю, лет тридцать-сорок. Они поругали отца Анатолия, потом утихли, уехали, наверное. А я назад по своим следам пошла. Потом ваши крики услышала и к вам вышла.

Все молчали, обдумывая рассказ Янки.

А вот Наташа, которой всегда было надо больше других, неожиданно потребовала:

– Покажи мне их!

– Да они уехали уже, наверное.

– Все равно! Покажи, где это было!

– Это назад в лес идти надо.

– И пойдем!

– Заблудимся.

– По твоим следам пойдем и не заблудимся.

Кате с Верой снова тащиться в холодный заснеженный лес не улыбалось, но они превозмогли себя и пошли тоже. Идти было удобно, ступая след в след, ног особенно не промочишь. Да и вообще, как выразилась Вера, что можно было промочить, они уже промочили. И что у них могло замерзнуть, то уже замерзло.

Минут через десять или около того они все вышли к нуж-

ному месту. Тут тоже был навес, как тот, под которым они сами давеча пировали. Но под навесом никого уже не было. Судя по остаткам трапезы, эти женщины были лакомками и на свои прихоти денег не жалели. Кофе в фирменных стаканчиках. Фирменная упаковка с гамбургерами. В пакетике остатки виноградной кисточки, а в коробочке хвостики клубники. Среди мусора на столе глазастая Наташа углядела какую-то бумажку. Это оказалась визитка в спа-центр «Прибой», на которой были написаны дата и время. Дата была сегодняшняя. А назначенное время должно было наступить уже через несколько минут.

– Если ты все услышала верно, то кто-то отказался от процедуры ради поездки к отцу Анатолию.

– Может, за это его как раз и проклинали?

Но Наташа, в которой проснулся сыщик, не успокоилась, пока не обежала все вокруг.

– Эти бабы были на машине, – объявила она, вернувшись.

– И как ты догадалась?

Но Наташа иронии не поняла и простодушно пояснила:

– Там следы свежие. Какая-то легковушка, но побольше нашей.

Янка тоже бродила вокруг стола. И вдруг заявила:

– Смотрите, что еще я нашла.

И Янка показала свою находку. Это была цепочка, по виду так золотая, на которой покачивался крестик.

– Потеряла какая-то женщина!

С этим все согласились. Крестик был небольшой – такой в пору ребенку или женщине. Но цепочка была слишком увесистой и длинной, чтобы ее мог носить ребенок. Вывод: цепочка с крестиком принадлежали какой-то бабе.

Наташа взяла в руки цепочку.

– Золотая, – заявила она. – Проба стоит. И вряд ли ее потеряли. Цепочка цела, кроме того, она застегнута на замочек. Разве что из кармана выронили.

– Можно мне посмотреть?

Это попросила Вера. Вид у нее был задумчивый. И пока она внимательно рассматривала цепочку и крестик, остальные обсуждали находку.

– Кто же носит крестик в кармане? Цепочку с крестом на шее люди носят.

Яна пожала плечами.

– В подарок могли везти.

– Цепочка не новая. Бирки нет. И вообще, ею уже пользовались.

В одном из звеньев цепочки запутался тонкий светлый волос. Похоже, его обладательница могла похвастаться копной вьющихся светлых волос. Например, найденный Яной волосок был закручен в тугую пружинку.

Вера внимательно осмотрела и этот волосок. И после этого сделалась какой-то совсем уж задумчивой. Отошла в сторону и попыталась кому-то позвонить. Попытки оказались неудачными, и Вера помрачнела еще больше. В общем разго-

воре она не участвовала и казалась полностью погруженной в свои мысли. Вывести ее из этого состояния не получалось: Вера лишь качала головой, говорила, что все в порядке. Но какое там в порядке, если от ее утренней жизнерадостности не осталось и следа.

А Наташа, войдя в роль сыщика, продолжала строить догадки:

– Что же, теперь мы знаем приметы по крайней мере одной из двух женщин.

– Да, у нее светлые вьющиеся волосы и она не носит на теле крестик.

Но что им было дальше делать с этими выводами, они не знали. А потому вернулись к машине, загрузились и поехали своей дорогой. Крестик с цепочкой вместе с найденной визиткой из спа-салона Яна убрала в бардачок. Сделала она это под пристальным взглядом Веры.

– Зачем прячешь?

– Если владелица золотишка найдется, я ей отдам украшение, – спокойно сказала ей Янка. – А если нет, пожертвую отцу Анатолию. Золото всегда можно обратить в деньги, а потом использовать их для добрых дел.

Янка знала, о чем говорит. Она самостоятельно организовала небольшой просветительско-досуговый центр, который занимался развитием в женщинах их потенциального женского начала. Обычно к ней заявлялись всякие неудачницы: только что прошедшие развод женщины или те, кому развод

предстоял в самое ближайшее время. Многие из них были на грани отчаяния. И если выбирать между мылом и веревкой и походом к Янке, то последнее казалось им все же предпочтительней.

Янка и своих подруг приглашала, но Кате на этих мероприятиях не понравилось. Скажите, какой смысл сидеть и просто ругать мужиков, сначала каждого конкретного, а потом всех подряд? Можно подумать, они от этого станут лучше. К тому же сама Катюша еще не утратила веры в собственное счастливое будущее. И поэтому на тренинги не ходила. И Наташа с Верой пару раз сходили, а больше ни ногой.

Но Янка на них не обижалась.

– Считаете, что справитесь сами, флаг вам в руки.

У Янки на тренингах и без подруг всегда был полный аншлаг. Набивалось столько обиженных мужиками баб, что иногда просто страшно становилось. Но Янка была довольна. С этих дамочек она собирала приличные пожертвования в виде спонсорских взносов. В обмен дамочки получали уверения, что теперь они уже не один на один со своей бедой, что теперь за ними сила и что только с помощью сестринской любви и понимания они пройдут через этот жизненный опыт и станут сильнее.

Многие уходили, едва речь заходила о спонсорской помощи. Это были те, у кого еще в головах оставалось немного здравого смысла. Но еще больше оставались в клубе и даже становились Янкиными единомышленницами. Они постоян-

но ездили куда-то на природу, где единились с природой (катались голышом в мокрой от росы траве, купались в речках и прыгали без нижнего белья через костры – избавлялись от виртуальных паразитов). Кроме игр на свежем воздухе, они еще всем дружным коллективом просветляли ауры, чистили чакры и меняли кармы друг другу. Некоторые достигали таких успехов, что потом становились ясновидящими, гадалками и даже шаманками.

Но этим Янка хвастаться не любила. Догадывалась, что ее поездки по монастырям и дружба с православным священником как-то плохо соответствуют тому, чем занимаются на досуге ее протеже.

Дальше ехали в молчании и без остановок. Настроение, с утра бодрое и приподнятое, сменилось на какое-то тревожное. Катя не могла объяснить, с чем это связано. Ей очень не хотелось думать, что это странная находка оказалась на них всех такое влияние, но, похоже, было именно так. Было в цепочке и крестике что-то такое, отчего Вера совсем скисла. И ее невеселый настрой постепенно передался и всем остальным.

Глава 2

Отец Анатолий их уже ждал. Он стоял у ворот, приветливо улыбался и махал им. Высокого роста, дородный и упитанный. А уж его борода! Густая, длинная, красивого каштанового цвета с серебристыми нитями седины. Такой бороде мог позавидовать и какой-нибудь ветхозаветный пророк.

Рядом с будущим духовником обители стоял его сын и тоже приветливо улыбался прибывшему подкреплению. Сын отца Анатолия во всем его копировал. И повадками, и манерами, и внешним обликом. Вот разве что обзавестись такой же густой и окладистой бородой сынок не сумел. Бороденка у него была жиденькая, как говорится, в три волоса. И поэтому весь вид у Пети, несмотря на рясу, в которую он был облачен, оказался каким-то неуверенным.

Но он был ласковый, никто не слышал от него не то что дурного, а и просто грозного слова. Так что если отца Анатолия уважали, то Петю все просто любили. И если чего хотели добиться от отца Анатолия, то действовали через его сына, зная, что ему отец Анатолий никогда не откажет.

Первым Петя подбежал к Вере, которой помог выбраться из машины. Этому была своя причина: Вера с семьей отца Анатолия была в очень теплых, дружеских и даже родственных отношениях. Веру там все любили. Она всегда бывала приглашена и на Рождество и на все прочие праздники, ко-

торые случались в семье отца Анатолия. Знала Вера очень хорошо и Петю, и его жену, и двоих их детишек. А младшую она даже крестила, что было большой честью и делало Веру частью семьи священника.

– Верочка, Вера! Рад тебе!

Но Вера в ответ лишь слабо улыбалась. И вообще, казалась измученной и несчастной. Что с ней такое? Катя была удивлена. Уж не заболела ли их Вера дорогой?

Стоило девушкам выгрузиться из машины, только поприветствовали друг друга, только завели приятный дружеский разговор, как откуда ни возьмись появилась матушка Анна. Вот она могла похвастаться истинно богатырским телосложением. На пятерых таких Петь хватило бы одной матушки Анны. И еще парочку отцов Анатолиев удалось бы прилепить. Впереди и сзади.

– Девочки! Приехали! Наконец!

Губы у матушки Анны улыбались, а глаза нет. Глаза у нее вообще теплели редко. Разве что когда она смотрела на своего сына. И очень редко когда на мужа. Больше никогда и ни на кого. Как обычно, с появлением матушки Анны возникло множество срочных дел, которые необходимо было решать отцу Анатолию. Так что с девушками остался один Петя.

– Пойдемте, я покажу вашу келью.

Девушки подхватили свою поклажу и пошли за Петей по поскрипывавшему на морозце снежку. Вера шла впереди и о чем-то сосредоточенно разговаривала с Петей. Тот постепен-

но от ее разговоров утратил свое первоначальное радостное настроение и выглядел теперь озадаченным. Он что-то втолковывал Вере, разводил руками и, казалось, оправдывался. Но Вера не отставала от него и не унималась, отчего Петя делался все более и более озабоченным.

Но Кате было не до них. Пусть себе хмурятся, если им хочется, а ей горевать нечего, она станет радоваться.

Стоял ясный зимний день. Еще с утра было пасмурно, но сейчас погода разгулялась. И синее небо плюс яркое солнышко создавали самое праздничное настроение. Девушка совсем забыла о своих опасениях. Она весело семенила за Петей, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– Как хорошо! – воскликнула идущая рядом с ней Наташа. – Правда, девочки?

Ответила ей одна Катя, которой тут тоже все нравилось.

Вокруг стучали молотки, жужжали пилы, раздавались голоса рабочих. Чувствовалось, что строительство тут ведется в полную силу и скоро будет закончено. Это радовало.

Центром всех монастырских построек был храм, освященный во имя Николая Чудотворца, чья чудотворная икона находилась в этом храме до революционных событий начала прошлого века. Со слов отца Анатолия подружки уже знали, что этот храм большевики закрыли в восемнадцатом году. Тогда же была проведена инвентаризация и опись всех церковных богатств, собираемых духовенством на протяжении многих столетий. Сам храм был переведен из культового

строения в складское помещение и на протяжении почти ста лет ветшал и постепенно разрушался.

Еще тогда же, в восемнадцатом году прошлого века, из храма была выброшена и уничтожена вся церковная утварь, сняты все украшения, уничтожена большая часть церковной библиотеки. Большевиков интересовали золотые и серебряные оклады, украшенные драгоценными камнями, которые можно было переплавить и продать. А сами иконы и книги они выкидывали прямо на снег, где их потом потихоньку подбирали немногочисленные верующие прихожане, которые еще имели в себе силу духа сопротивляться, пусть и не всегда явно, новой власти.

Благодаря этим людям, которыми руководил святой дух, не иначе, до наших дней и дожил чудотворный образ Николая Чудотворца, который по благословию епископа епархии был несколько лет назад торжественно возвращен в храм. С того дня и началось активное восстановление, а кое-где и строительство новой обители. А отцу Анатолию поручили надзор за ним и поиск будущих послушниц и сестер, поскольку монастырь, подразумевалось, будет женским.

– Петя, скажи, – внезапно произнесла Наташа, – а перед нами сегодня кто-нибудь приезжал?

Петя после разговора с Верой казался задумчивым. Он с трудом вынырнул, и голос его звучал растерянно:

– Сегодня? Строительные материалы привозили. Рабочая бригада приехала.

– А женщины приезжали?

– Сегодня вы первые.

– А ты нам скажешь, когда кто из женщин еще приедет?

Петя удивился странному интересу, но Наташа имела над ним особую власть. Перед этой долговязой дылдой, которая была выше его почти в полтора раза, Петя испытывал странный трепет. Отказать Наташе он не мог решительно ни в чем. И пообещал, что как только кто-нибудь приедет, Наташа узнает об этом от него первой.

Келья, куда привел их Петя, оказалась чистой, светлой и теплой. Она приятно пахла свежей сосной, из бревен которой и была срублена. На срезах еще виднелись подтеки смолы, и подругам здесь понравилось.

– Хорошо, когда новое.

Хуже было с мебелью. Кровати представляли собой наспех сколоченные из несортных досок топчаны, на которых прямо на голых досках и полагалось спать.

– Ничего, на твердом для спины полезно спать.

– Очень уж шершаво, – с сомнением произнесла Наташа. – Могли бы хоть рубаночком ради нас пройтись. А то сплошные заусенцы. Ляжешь спать, наутро вся в занозах встанешь.

Петя мигом сбегал к плотникам, вернулся от них с рубанком и неумело, но очень старательно выстругал ложе для каждой из четырех подруг. И хотя работал он одинаково для всех, как-то так получилось, что топчан Наташи оказался глаже и лучше обструган, чем три остальных ложа. Когда ста-

ли сравнивать работу, это стало поводом для бескончаемых шуток над Наташей.

– Петя к тебе неровно дышит. Вон и кроватку для тебя какую приготовил. У нас ладонью не проведешь, а у тебя гладенько, хоть на коньках катайся.

– Отстаньте вы. У Пети жена. И дети.

– Будто бы это мужикам когда мешало!

– Я сюда с другой целью приехала.

Наташа даже разобиделась на своих подруг. Хлопнула дверью и ушла. Подруги застелили кровати: белье, одеяла и подушки они привезли с собой. На голых досках никто из них спать не стал. Сегодня на доски постелили одежду, какая нашлась, а на завтра решили заказать матрасы по Интернету. Постепенно келья принимала жилой вид. Появились иконки, салфеточки, даже маленький кактус откуда-то появился. Оказалось, что это Янкин любимец, которого она звала Прем Кокусом и уверяла, что Прем Кокус каждый год будет их радовать по весне волшебными темно-малиновыми цветами.

– Ты что, уже точно решила тут на многие годы остаться?

– А чего бегать? Место, посмотри, какое замечательное.

Или тебе не нравится?

Катя промолчала. Ей здесь тоже нравилось. Но остаться в монастыре на многие годы... Нет, к этому Катя еще как-то не была готова.

Закончив обустроиваться, подружки пошли знакомиться с остальными послушницами. Рядом с их кельей находилось

еще четыре таких же комнатки, двери выходили в общий коридор, в конце которого нашлась маленькая кухонька, в которой за раз могло поместиться не больше двоих человек. Тут можно было попить чаю, сделать себе бутербродик, и, пожалуй, это было и все. Потому что ни плиты, ни даже микроволновки тут не имелось.

Зато свет был и тепло было. Все тепло в кельи шло от печек-буржук. А вот воду и канализацию еще не провели. Так что за водой приходилось ходить на колонку, а по естественным надобностям на улицу.

Катя, посетив оба этих места, как-то еще больше задумалась. И поэтому на вопрос Яны ответила уклончиво:

– Надо посмотреть, как здесь кормят.

Столовая, или, как ее тут называли, трапезная, находилась в старом здании, оставшемся еще с прошлого века. Было оно кирпичным. Его неоштукатуренные стены еще зияли кое-где провалами, но в окнах уже стояли стеклопакеты, наверху лежала железная крыша. В трапезной, куда сунули носы подруги, несколько дней назад настелили новые полы, установили лестницы, расставили в верхней и нижней зале все же те грубо сколоченные столы. Но вот ни тепла, ни света тут еще не имелось.

Поэтому, пока стояли морозы, чтобы едокам не замерзнуть и еду не застудить, обед приходилось вкушать внизу, в кухне, и делать это надо было партиями и очень быстро, потому что очередь из желающих стояла и во дворе. Подругам

тоже пришлось подождать. Вера была вместе с ними. И как заметила Катька, после разговора с Петей подруга снова приобрела свою обычную жизнерадостность. Что бы ни тревожило Веру по дороге в монастырь, это осталось в прошлом.

– Ох, я бы слона съела!

Когда они оказались в кухне, толстая повариха заявила:

– Каша кончилась. Хлеб белый тоже вышел.

– Что же осталось?

– Суп. И ржаного буханка. Будете?

– Будем.

Привередничать было в данной ситуации глупо. Впрочем, суп был густой и наваристый. Картошка, морковочка, вермишелька успели основательно сдружиться в нем. А еще теплый ржаной хлеб, посыпанный крупно похрустывающей на зубах солью, оказался выше всяких похвал. Вообще, в таких местах даже самая простая пища казалась очень вкусной. Девушки наворачнули по две тарелки и почувствовали себя почти счастливыми.

– Теперь бы отдохнуть, – осоловело моргала глазами Катька, которую после сытной еды всегда тянуло в сон.

Но не тут-то было. У выхода из трапезной их поймала матушка Анна.

– Как! Вы еще не на работе? – удивилась она. – Я как чувствовала, что застану вас у трапезной. Лентяйки вы.

– Так мы с дороги, первый день...

Но матушка их и слушать не стала.

– Живо ступайте в прачечную, – уже без всякой ласковости скомандовала она. – Там сестры с ног сбились, а вы тут прохладжаетесь!

Подруги пытались объяснить женщине, что после долгой дороги и сытной еды работницы из них будут аховые, но матушка Анна их как и не слышала.

– Пойдемте, я вас сама провожу.

И не успокоилась, пока не довела всех четверех до прачечной.

– Матушка Галина, привела к тебе подмогу. Принимай!

– Давно пора.

Из душной парной комнатки выглянула сухонькая маленькая тетушка. Она окинула подкрепление и одобрила:

– Ну какие красавицы! Хоть в строй ставь.

– Пользуйся, матушка.

– Уж не премину.

И матушка Анна перемигнулась с матушкой Галиной. Если бы подруги думали о людях чуть хуже, то неминуемо заподозрили бы тут какой-то заговор. Снова эта мысль появилась у них, когда матушка Галина завалила их работой по самую шею. Причем в буквальном смысле этого слова. Грязного белья, нуждающегося в стирке, а затем и глажке, оказалось так много, что даже Наташа могла бы закопаться в нем по самый подбородок. А уж всех прочих белье накрыло бы и вовсе с головой.

Катя принялась озираться по сторонам. Ее, уже опытную,

несколько настораживало отсутствие стиральных машин в прачечной.

На наивный вопрос о том, где же им найти стиральные машины, матушка Галина просто возмутилась.

– Стиральные машины им подавай! Вот нахалки! Обитель только строится, а вы хотите на нашего отца такие траты повесить?

– Помилуйте, какие же это траты?

– А вы думаете! Электричество дорогое. Машины стиральные очень дорогие.

До подруг стала постепенно доходить страшная правда.

– Так стиральных машин здесь нет? А как же тогда стирать?

– А вам руки на что? Или госпожи белоручки не приучены стирать руками? Вы все и отстираете. Вон там стиральный порошок, там тазики, вперед и с молитвой.

Горячей воды тоже не оказалось. Холодной, впрочем, тоже. Ее нужно было таскать с улицы все из того же колодца, потом греть в тазах на огромной печке, в которую кто-то постоянно подкидывал дрова. Дрова тоже сами из ниоткуда не возникали, за ними нужно было ходить к поленнице. Хорошо хоть поленья были уже колотые, махать топором женщинам не приходилось. Это делали за них работники. Но все остальное... И как этого остального было много!

Когда вода в железных тазах нагревалась, ее уносили для стирки, а на ее место заливали новую порцию холодной, и

так до бесконечности. Катька сначала обрадовалась, что ее пристроили таскать ведра с водой. В прачечной было душно и парно, а на воздухе легко и привольно. Так что Катя с радостью сделала первые три рейса, а потом призадумалась. Руки тянуло, плечи ломило, поясницу кривило. Долго она так выдержит? Катька попыталась схитрить, уйдя за водой, она теперь не торопилась назад. Но на нее стали ворчать. А после трех задержек отстранили от этой работы и поставили к корыту.

Ну и ладно, решила Катюша. Тут отдохну. Она присела, руки опустила в теплую мыльную воду и сделала вид, что стирает.

Тут же послышался окрик матушки Галины:

– Активней три! Не ленись! Новенькая, тебе говорю!

Пришлось завозюкать руками сильнее. К концу дня Катя почти что с ужасом рассматривала свои руки. Они у нее были красные и от горячей воды увеличились в размере раза в два. Подруги тоже печально подсчитывали убытки. Яна обреченно скovyривала остатки лака со своих ногтей. Наташа посасывала обожженный о раскаленную дверцу печки палец. А Вера откровенно высказала то, что накопилось у всех трех на сердце.

– Я не для того два высших образования получала, чтобы теперь, как первобытная баба, в тазу тряпки полоскать.

– Чего предлагаешь?

– Куплю им стиралку! Самую большую!

– А электричество? Ты же слышала, электричество дорогое.

– И за электричество я заплачу! Счетчик отдельный поставлю и буду платить по этому счетчику, сколько выйдет.

Девушки уважительно поглядывали на подругу. Вера работала в крупном банке и могла позволить себе такие траты.

– Что это отец Анатолий чудит! Не каменный век, чтобы руками белье полоскать.

Вера тут же начала звонить в магазин бытовой техники. И повела переговоры так жестко, что машину ей обещали привезти и установить уже завтра к девяти утра.

– Со стиркой все! – объявила всем Вера. – Можно отдыхать!

И успокоенные подруги отправились в трапезную. На улице было уже совсем темно. Одиноким фонарь, освещавший стройплощадку, был не в состоянии осветить всю территорию монастырского двора. Кое-где было совсем темно. Так что в нескольких метрах от входа в трапезную Яна поскользнулась и упала. Подруги кинулись ее поднимать и увидели, что на белом утоптанном снегу в том месте, где приземлилась Яна, выделяется какое-то темное пятно.

– Лед, – потыкала ногой Наташа.

– Тут что-то пролили, а потом жидкость на морозе замерзла и получился каток.

– Ты не ушиблась?

– Нога немного болит.

Дальше Яна шла прихрамывая. В кухне никого уже не было. А вот в трапезной вроде как топтались. Сначала подругам показалось, что наверху кто-то ходит. Но потом все затихло.

– Ау! Кто-нибудь есть живой?

Никто на этот возглас не откликнулся. И девушки подумали, что шаги наверху им просто мерещатся.

– Ясно, что кормить нас никто не собирается.

Но на столе в кухне стояла корзиночка с порезанным ржаным хлебом, а на еще теплой плите имелся чайник, в котором что-то булькало.

– Чай. Больше ничего нет.

Жидкий, чуть сладкий чай и пара кусков оставшегося от обеда хлеба. Вот и весь ужин. Да, жизнь в монастыре с самого начала учила новоявленных послушниц смирению.

Одно радовало: в кухне было тепло, и все сняли верхнюю одежду. Яна повесила свое пальто на вешалку, не глядя.

А вот Катя, сидящая напротив, нахмурилась:

– Где это ты такое здоровущее пятно посадила?

– Пятно?

Яна оглянулась и увидела, что на светлой шерсти ее зимнего пальто и впрямь виднеется отчетливое пятно. Оно было какого-то красновато-бурого цвета. И прикоснувшись к нему, Яна почувствовала холод и влагу. Крохотные снежинки, принесенные снаружи на пальто, быстро таяли у девушки на пальцах, пачкая их какой-то розоватой влагой. Яна приоткрыла рот и увидела, что пятно все состоит из таких вот

крошечных кристалликов, которые сейчас стремительно таяли в тепле кухни.

– Наверное, это я на том пятне испачкалась, – догадалась Яна. – Упала на него боком, грязный снег на меня и налип.

– Интересно, что это такое?

Яна понюхала пятно.

– Понятия не имею. Может быть, компот?

– Компотику бы я сейчас выпила, – мечтательно произнесла Вера. – Особенно вишневого.

– Не похоже, чтобы они тут вишневый компот ведрами бы варили. Скорее уж краска.

Яна забеспокоилась.

– Ой, нет! Если краска – это я так испачканная и буду ходить?

Наташа встала и подошла поближе. Она тоже прикоснулась пальцем к пятну, поднесла палец к носу, изучила его, а затем глубокомысленно произнесла:

– Вы как хотите, а только мне кажется, что это кровь.

Вера чуть не поперхнулась чаем.

– Наташка! Хватит нас пугать! – взвизгнула она.

– А я и не пугаю. Сама посмотри. Это кровь!

И она сунула свой палец Вере под самый нос. Та взвизгнула и вскочила на ноги.

– Уйди!

Но Наташа совсем расшалилась. Она погналась за Верой, норовя ткнуть ту своим испачканным пальцем. Глупость и

дурачество, ничего больше. Но Вера, взрослая самостоятельная Вера, повелась на эту детскую шалость, бегала, вопила, увертывалась и снова вопила. Яна с Катькой хохотали, очень уж потешно все это выглядело. Особенно когда Вера начала ронять стулья, а Наташа через эти стулья прыгала, словно горная коза.

– Отстань от меня!

– Сначала посмотри!

Бух! Прыг! Шмяк! Кряк!

– Наташа! Стул сломала!

Неизвестно, чем бы закончилась эта дикая погоня вокруг стола. Наверное, помимо ножки стула сломалась бы еще чья-нибудь ножка, но тут дверь скрипнула и мужской голос произнес:

– Это кто здесь шумит?

Вера замерла мгновенно. Не так быстро среагировавшая Наташа по инерции пробежала еще несколько шагов, ткнула в Веру тем самым торчащим и чем-то испачканным пальцем, но сейчас Вера даже не ойкнула. Все ее внимание было приковано к высокому мужчине, вошедшему к ним в кухню.

Откуда он здесь взялся? Катя недоумевала. Вроде бы с улицы не входил. Значит, из трапезной спустился? Был он широк в плечах и ноги расставил тоже широко, по-хозяйски. Лица было толком не рассмотреть. Нижнюю часть закрывала густая светло-русовая борода, а на голове была шапка, из-под которой смотрели два пытливых ярко-голубых глаза.

– Вы чего так расшумелись, бабы?

Вера не ответила. Она по-прежнему не сводила глаз с вошедшего. А вот Наташа застрекотала:

– Янка на улице грохнулась, да прямо в кровь.

– Какую еще кровь?

– Пятно там было.

– Где?

– Да на улице.

– А-а-а... На улице... Понятно.

Мужчина прошел в кухню. Новость его ни шокировала, ни взволновала. Он выглядел совершенно равнодушным. Его ноги, обутые в теплые высокие ботинки, тяжело бухали по деревянным половицам. Бух, бух, бух! Что-то было странное в этом всем, но что именно, Катя понять не успела, потому что мужчина вновь заговорил. И все внимание девушки переключилось.

– Чаю налей.

Это он обратился к Яне. Ни пожалуйста не сказал, ни будь добра. Отдал команду и стал ждать ее исполнения. Янка пожалала плечами, мол, мне нетрудно, встала и налила чаю.

Мужчина пригубил, но тут же отставил стакан.

– Холодный.

– Какой есть.

– Ужин давай.

Янка не выдержала.

– Я тебе не жена, чтобы давать! Сам встань и возьми, если

найдешь.

Мужчина какое-то время разглядывал ее.

– Дерзкая, – произнес он затем то ли с осуждением, то ли с уважением. – С дерзкими, знаешь, что делают?

И быстрым движением притянув Яну к себе, он выдохнул ей прямо в лицо:

– Их учат!

– Отстань!

Мужчина своих клешней не разжимал. Видимо, ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как трепыхается в его руках Яна. А той стало уже больно, потому что она жалобно пискнула:

– Девчонки!

Поняв, что Яне нужна их помощь, девушки вскочили со своих мест. Но за мгновение до этого мужчина уже отпустил Яну.

– Вы откуда свалились? Я вас раньше не видел.

– Мы сегодня приехали.

Кате этот тип решительно не нравился. Но она не знала, как ей с ним себя вести. Держится этот наглец по-хозяйски. Вдруг в самом деле какая-то шишка?

– Новенькие, значит. Свежее мясо снова прибыло.

И задрав рожу к потолку, мужчина громко расхохотался. Зубы у него были отменные. Ровные и белые. И почему-то это еще больше взбесило Катюшу.

– А сам-то ты кто такой?

– Я-то! Я брат Игнатий. Слыхали про меня?

Наташа, Яна и Катя покачали головами.

– Я слышала, – произнесла Вера. – И я знаю, кто вы такой.

Она специально выделила голосом слово «кто», так что Игнатий даже встревожился. Это было заметно по его забегавшему взгляду.

Но он попытался скрыть свое беспокойство и для этого шутливо спросил у Веры:

– Ну? И кто же я такой?

– Я встречала вас у Димы.

– У какого Димы?

– Димы – брата Светы! Или не помните такого?

Игнатий явно помнил. Но отчего-то на этот раз Игнатий ничуть не смутился. Напротив, лицо его прояснилось, он даже весело заржал в ответ на слова Веры. Похоже, что всякое смущение оставило его. А раз так, то Игнатий вновь вернулся к своему обычному хамовато-панибратскому тону.

– Слышала, значит, обо мне? – хмыкнул он, глядя на Веру. – Ну расскажешь тогда своим по-дружкам. Во как вам повезло! На всю ночь разговоров вам теперь хватит.

И поднявшись со своего места, странный тип вышел из кухни не прощаясь. Когда за ним хлопнула входная дверь, девушки повернулись к Вере.

– Кто это такой?

– Что за Игнатий?

– Откуда ты его знаешь?

Но Вера не была расположена к разговорам.

– Пошли отсюда, – раздосадованно сказала она. – Все на-
строение испортил!

Девушки снова оделись и вышли на улицу. Небо было усы-
пано звездами. Такого неба в городе и не увидишь. Там оно
постоянно затянуто облаками.

– Хорошо-то как! – мечтательно вздохнула Наташа.

– Стоп! А где пятно?

Это произнесла Яна. Она стояла на том самом месте, где
давеча навернулась, и растерянно смотрела по сторонам. Де-
вушки тоже стали озираться.

– Место вроде бы то самое.

– Что значит вроде бы? То же самое и есть!

– А пятно?

– Его нет.

На дороге в самом деле было все гладко. Белый снежок и
никакой черноты на нем.

– Я не понимаю, – пробормотала Яна. – Здесь был ледя-
ной каток, на котором я поскользнулась, упала и испачка-
лась. Где же все? Куда делось?

После недолгих поисков выяснилась следующая картина.
Замерзшее пятно все еще имелось, но оно было основатель-
но присыпано свежим снегом, который кто-то брал из сугро-
ба целыми пригоршнями и засыпал им испачканную дорож-
ку.

– Наверное, после тебя на этом месте кто-то еще навер-

нулся, вот и решили ликвидировать каток, чтобы другим неповадно было тут заваливаться.

– Может быть. Но отчего снегом? Тогда уж песочком бы посыпали.

Однако дело было сделано. Скользкого катка не наблюдалось больше. И утомленные подруги поплелись к себе. В их домике слышались женские голоса. На кухне собралась небольшая компания. Три женщины, все уже в возрасте, попивали кофе, закусывая его тортиком. Они явно не ждали, что кто-то еще явится, потому что смущенно уставились на подружек, а те в свою очередь таращились на этих тетенок. Одну из них, Нину, девушки сегодня уже видели, она стирала белье под началом матушки Галины.

Эта женщина тоже узнала подруг и обрадовалась:

– Свои! Отбой тревоги. – И обратилась к самим девушкам: – Заходите скорее, горемыки. Где вас носило?

– В трапезную ходили. Думали, нам ужин оставили.

– Как же! – развеселилась женщина. – Ужин в половине девятого заканчивается. А нас Галина специально до десяти продержала, чтобы мы к ужину никак бы не успели.

– Зачем?

– Харчи экономит, – хлебнув кофе, пояснила женщина. – Пусть и не свои, а хозяйские, ей все едино.

– В чем же экономия?

– Если она пятнадцать здоровущих баб на ужин не пустит, это же какая экономия всему бюджету монастырскому. А ес-

ли каждый день? Ты сама посчитай.

– И вовсе она не поэтому, – заступилась за Галину другая женщина. – Это она нас смиряет таким образом.

– Чревоугодие – это грех, – согласилась и третья женщина, печально покосившись на остатки торта на своей тарелке. – А человек слаб. Хотите торта, девочки? Тут как раз каждой из вас по кусочку и осталось.

Думаете, подруги отказались от угощения? Как бы не так. Каждой досталось точно по куску. Торт был очень свежий. Двухслойный бисквит – один корж бесцветный, второй шоколадный – был прослоен нежным маслянистым кремом с кусочками безе. Сверху торт был полит шоколадной глазурью и украшен цветочками. У Кати на кусочке была кремовая розочка. У Наташи шоколадная бабочка, у Веры какая-то завитушка из шоколадного крема, а у Яны просто маленькая меренга.

– Словно только вас и ждали, – радовалась та женщина из прачечной, которую звали Ниной, засовывая в горящую печку пустую коробку из-под торта. – Ешьте, девчонки, набирайтесь сил, завтра еще больше работы предстоит.

Вера помотала головой.

– Не-а. Завтра никто из нас работать не будет.

– Что так?

Подруги объяснили, что завтра привезут стиралку. И Нина хлопнула в ладони:

– Поручили вы Галине всю ее учебно-воспитательную ра-

боту!

– Так ей и надо! Иезуитка!

– А кто она вообще такая? По какому праву распоряжается тут?

– Да вы что! Не знаете, кто такая Галина?

– И кто же?

– Она же родная сестра нашей матушки Анны.

Вера казалась удивленной.

– Родственница?

– Вот именно! А когда отца Анатолия с семейством нет, а отсутствуют они часто, тогда Галина с сыном здесь всем заправляют. Ох и обнаглели они от такой вседозволенности!

Всюду носы суют, всем указывают, всеми командуют.

– Гадины! – с чувством произнесла Нина. – Что она, что он!

– Особенно он!

– Вот от кого бы я избавилась с радостью, так это от него, от Игнатия!

– Что он, что мамашка – скорпионье племя!

Вера перестала хрустеть безе и внимательно посмотрела на Нину.

– Игнатий? Сын матушки Галины – это Игнатий?

– Ты тоже о нем уже слышала?

Вера медленно кивнула. Аппетит у нее совсем пропал. Она отставила тарелку с недоеденным куском торта в сторону. Сама отвернулась к темному окну и совсем «выпала»

из коллектива. И как ни тормозили ее подруги, Вера так от своей задумчивости и не очнулась. Так и спать легла молча. Определенно с Верой творилось что-то непонятное.

Глава 3

На следующее утро погода была еще хуже вчерашней. Ночью пошел снежок, который укутал все вокруг свежим покрывалом. И хотя к тому времени, как подруги встали со своих постелей, снег уже совсем прошел, на улице все равно было пасмурно.

– Что за ночь! – стонали девушки наперебой. – Все тело болит. И кто это придумал, что спать на жестком – это полезно?

За ночь подстеленное под простыни тряпье окончательно сбилась в комья, которые приняли самые причудливые и неудобные формы. Кате, например, всю ночь снилось, что она проглотила чужую просвирку и от нее требуют ее вернуть. Во сне Катюша пыталась объяснить, что это невозможно, в ответ ей в спину как раз между лопаток какие-то люди попытались воткнуть тяжелый ломик, уверяя, что так просвирку можно будет достать без порчи последней. Катя пыталась выяснить, как же будет с порчей ее самой, но на это ей ничего не отвечали и лишь работали ломиком все сильнее и усердней.

Проснувшись, Катя обнаружила, что подстеленные накануне вместе с другим бельем носки сбились в дружный тугой комок, который и оказался у Катюши ровнехонько промежду лопаток. Катя выкинула этот комок и попыталась за-

снуть снова, но тогда ей стало сниться, что кто-то тянет из-под нее постель, уверяя, что она слишком мягкая. Грешно спать на таких перинах. Катя клялась, что более жесткого ложа ей ощущать своими костями еще не приходилось, но невидимый доброжелатель ее как будто не слышал и уверял, что спать лучше всего на камнях, мол, полезней не придумаешь.

Утешало лишь то, что другие спали не лучше.

– Ох, ну и ночка! – жаловалась Янка. – Вы не слышали, ночью вроде бы кто-то стучал в окно?

Янкина кровать находилась ближе всех к окну. Другие девушки ничего не слышали.

– Вера, ты не подходила?

– Я? – удивилась Вера. – Зачем?

– Вроде бы тебя звали и ты вставала.

– Приснилось тебе.

– Ох, верно, – жалобно простонала Янка. – Всю ночь кошмары мучили.

Наташа кивнула:

– Как хотите, а с этим надо что-то делать.

Вера улыбнулась.

– Я уже все сделала. Сегодня к вечеру нам привезут нормальные кровати.

– С матрасами?

– Да.

– Ура! Да здравствует Вера! Наша спасительница!

Но сама Вера по-прежнему выглядела какой-то задумчивой. По дороге в трапезную она остановилась на том месте, где вчера плюхнулась Янка, и еще раз внимательно осмотрела место ее падения. Но, конечно, ничего было нельзя рассмотреть. Выпавший за ночь снег окончательно уничтожил темное пятно, которое виднелось на дороге раньше.

Однако Вера что-то нашла. Она выковыряла из снега какой-то продолговатый предмет и после этого совсем помрачнела.

– Что ты нашла?

– Ничего.

И не показала!

А ведь Катя точно видела, что Вера вынула из снега какой-то продолговатый предмет. Не улучшилось настроение Веры и после завтрака, хотя сегодня на завтрак подали рассыпчатую гречневую кашу да еще с грибной подливкой. Но Веру и это не ободрило. Да и подругам постепенно передавалось ее тревожное состояние. Они поняли, в чем дело. Вере не давал покоя Игнатий, который тоже заявился в трапезную, вел себя вызывающе, кого-то толкнул, кого-то прогнал, кому-то нахамил. И при этом он не сводил глаз с девушек и особенно пристально таращился на Веру. Та глаза опускала, краснела, бледнела, но Игнатий не унимался.

– Что он таращится? – ворчала Янка. – Того и гляди, дыру прожжет.

– Ох, не нравится мне этот тип, – отозвалась Наташа.

Вера лишь тихонько вздохнула. И даже Катя, которой все красивые мужики нравились по определению, сегодня промолчала. Было в этом Игнатии что-то такое, что пугало и ее.

А позднее выяснился еще один сюрприз. После завтрака Янка сходила на стоянку проведать «киашку», как она ласково называла свою машинку, назад она вернулась что-то слишком быстро и с выпученными глазами.

– Вы себе не представляете, что произошло!

– Что?

– Ночью кто-то пытался угнать мою «киашку»!

– Да ты что!

– Точно вам говорю! Подхожу – дверь открыта, сигнализация отключена. Машину хотели украсть!

Разумеется, после такого заявления всем подругам захотелось взглянуть на машину, и они побежали на стоянку. Машина стояла на своем месте, и не было похоже, чтобы ее пытались сдвинуть.

– Вы посмотрите, из бардачка все выкинули. Безобразия!

Наташа вскрикнула:

– Цепочка! Крестик!

Катя тоже встревожилась.

– Да, Янка, где цепочка с крестиком, которые мы нашли?

Они пропали!

Янка обиделась:

– Вас только это и задело? А что моя машина могла этой

ночью пропасть, это, по-вашему, ничего страшного?

– Но твоя машина на месте, а цепочки с крестиком нет.

– И они на месте.

– Их здесь нет! – вороша разбросанные на сиденье вещи и шаря по пустому бардачку, уныло сказала Наташа.

– Радуйтесь, что я такая предусмотрительная, – фыркнула Янка. – Я их еще вчера забрала из бардачка и спрятала в другом месте. Как чувствовала, что можно ждать сюрпризов.

Наташа посмотрела на своих подруг. Рот у нее приоткрылся, а ладони она прижала к щекам.

– Ой, девчонки! Я только сейчас подумала, а вдруг грабителю была нужна не машина? Вдруг он залез ради цепочки с крестиком? Посмотрите, и вещи из бардачка все выкинуты! Как будто бы там что-то искали.

– И кто мог знать, что цепочка с крестиком находятся там? Кроме нас четырех, никто не знал. Значит, одна из нас воровка?

Наташа смутилась. А Вера вдруг сказала:

– Еще Петя знал. Я ему еще вчера рассказала о нашей находке.

– Зачем ты это сделала?

– Мне показалось, что эта цепочка и крестик могут принадлежать Любе.

Любой звали жену Пети. И она была блондинкой с целой копной мелких кудряшек, которые обычно прятались под головным платком, лишь в редких случаях выбиваясь наружу.

Точно такими же кудряшками обладала владелица найденной цепочки.

– Я видела похожую цепочку и крестик, которые Любе подарили несколько лет назад на именины. Меня тогда заинтересовало это плетение, оно очень необычное, не похоже на то, что можно увидеть в магазинах. Оказывается, Петя заказывал цепочку у ювелира. И крестик тоже был сделан на заказ.

– И что тебе вчера ответил Петя?

– Он очень удивился и сказал, что цепочка с крестиком у Любы действительно пропали. Что случилось это несколько месяцев назад и жена очень горевала, так как увидела в потере дурной знак. Но он заказал ей точно такие же, и Люба немного успокоилась.

– Значит, в лесу мы нашли цепочку и крестик Любы?

Вера пожала плечами.

– Наверное.

– Значит, одна из женщин на лесной стоянке, которых видела Яна, и могла быть Любой?

– Вряд ли. Ведь Петя говорит, что Люба эту цепочку с крестиком потеряла еще несколько месяцев назад.

– Сначала она потеряла, потом еще кто-то другой ее потерял. Это все очень странно. Прямо не цепочка, а какая-то путешественница.

И в этом с ней никто не смог спорить.

Вопреки ожиданиям подруг никакого ликования по поводу появления в прачечной новенькой стиральной машины ни матушка Анна, ни матушка Галина не проявили. Наоборот, отнеслись они к этому новшеству неодобрительно:

– Лишь бы руками не работать! Бездельницы!

Даже отец Анатолий, подученный вредными бабами, и тот, хоть и мягко, но все же упрекнул Веру за самодеятельность. Мол, что же ты, матушка, и купола на храме еще не вызолочены, и иконостас не обновлен, и вообще трат полным-полно, неужели нельзя было потратить деньги с бóльшим умом или хотя бы посоветоваться с ним?

И ушел. Матушка Галина присутствовала при этом разговоре. Выговор отца Анатолия показался ей слишком мягким, и от себя она добавила, что в монастырской жизни главное – смирение. Ни одного шага нельзя сделать, не взяв благословения своего духовного отца, коим для девушек является отец Анатолий.

– А вы все самочинно решили. У отца Анатолия благословения не взяли. Не спросив его разрешения, машинку купили. Мол, лучше старших знаете, как и что нужно. А это уже гордыня получается, лукавый только того и ждет, чтобы кто своеволие проявил.

А потом и матушка Анна подключилась и запела тонким голоском:

– Поймите, девочки, вы сейчас вступаете в новую жизнь. Вы должны были послушны воле своего духовного руково-

дителя и ни в чем, даже в самом малом, не отступать от сказанного им.

И в таком стиле беседа длилась чуть ли не полчаса. В итоге вместо благодарности за приобретенную отнюдь не дешевую стиралку Вера получила выговор с предупреждением.

– Это они еще о наших новых кроватях не знают.

К счастью, отец Анатолий не был излишне обременен глупыми принципами. И пока бабы распекали послушниц, он воспользовался свободой, согнал рабочих, которые быстренько соорудили подводку холодной воды к прачечной. Итак, когда матушка Галина отпустила подруг, машинка была подключена, загружена и уже стирала первую партию белья.

– Какая прелесть!

Только сейчас подруги в полной мере ощутили, какая это великая вещь – автоматическая стиральная машина. Как-то раньше они не задумывались, насколько тяжелым был труд прачки. А вот после вчерашнего трудового дня прочувствовали, что называется, на собственной шкуре. У Кати руки еще до сих пор были покрыты мелкими трещинками. У Веры болела спина. У Наташи ладони. А Янка сама не знала, что у нее больше болит, пожалуй, что вообще не было ни одного кусочка на теле, который бы не болел.

– Хилые мы какие.

– Поэтому нам автоматика и нужна. Небось не прежние времена.

Рассчитана новая стиралка была на двенадцать килограммов грязного белья, что должно было скоро разгрузить прачечную и на долгое время избавить послушниц от этой тяжелой работы.

– Одно дело – ткнул кнопочку и жди, когда через пару часов можно будет забирать уже почти сухое белье. И другое – колупаться, как мы вчера.

В общем, несмотря на полученный выговор, подруги были все равно довольны. Как ни возмущались их самовольством матушки, машина все-таки заработала вместо самих прачек. Единственное, что девушкам в этой истории сильно пришлось не по вкусу, так это приказ матушки Галины отправляться на кухню и помогать теперь по мере сил там.

Наташа снова встревожилась:

– Что-то никакой посудомоечной машины я вчера там не увидела.

Ее там и не было. Глубокая и полная до самых краев грязной посудой раковина была, а вот посудомоечной машины не наблюдалось. Переглянувшись, подруги засучили рукава и взялись за дело. Времени до обеда оставалось уже совсем мало, а вот тарелок, ложек и чашек было, наоборот, много.

Подруги мыли посуду молча. Повторялась вчерашняя история. Горячей воды не было. Приходилось греть в ведрах, потом разбавлять ледяную воду кипятком и так в едва теплой и полоскать посуду. Современных моющих средств тоже не наблюдалось. Мыть приходилось хозяйственным мылом и

содой. Чашки по молчаливому соглашению подружки решили просто ополаскивать водой, а затем вытирать насухо. А вот с ложками и тарелками пришлось повозиться. Постное масло, которым была сдобрена грибная подливка, отмывалось в прохладной воде с большим трудом.

– А что будет после обеда? – с ужасом произнесла Вера. – Там будет в два раза больше работы!

Девушки едва успели перемыть посуду, как повара уже понесли еду в трапезную. И понеслось по новой. Подружки даже не успели толком пообедать. Проглотили по несколько ложек супа на ходу – и снова за работу. Они уже немного приноровались, но дело все равно двигалось слишком медленно. К вечеру руки у подруг оказались в еще худшем состоянии, чем вчера.

– Не знаю, как вы, а я лично так больше не могу, – разглядывая свои красные и раздувшиеся пальцы, сказала Янка. – Если она и завтра поставит нас на это же послушание, я уеду!

Вера подула на руки и сказала:

– Уезжать, значит сдать. А сдать – это значит показать этой мегере, кто тут хозяин положения. Нет, я не согласна.

– А что же делать?

Вера еще немного подула и задумчиво произнесла:

– Я бы могла заказать посудомоечную машину или даже две, но после сегодняшнего спектакля это будет слишком явной провокацией. Отец Анатолий открыто запретил покупать еще какую-то технику без его благословения. А если

идти к нему, то он всяко не разрешит, потому что побоится связываться с этой гарпией Галиной.

К этому времени девушки уже прилегли, чтобы немного передохнуть. Но даже новые кровати с матрасами их не радовали. Всех четырех беспокоило, что они станут делать завтра.

– Придумала!

Все бросились к Вере.

– Ну? Что?

Вера подняла вверх раздутый палец и торжественно произнесла:

– Одноразовая посуда! Вот что нас спасет.

Подруги прямо запрыгали от радости. Это был хитрый ход, на который отец Анатолий еще не догадался наложить свое вето. Пусть какую-либо технику он запретил приобретать, но про пластиковые стаканчики и тарелки речи пока что не шло.

– Закажем сразу побольше, – рассуждала Вера. – Чтобы на месяц всем трудникам и послушницам бы хватило. Три тарелки в день на человека, итого примерно сто пятьдесят тарелок в день. Умножить на тридцать дней в месяце, получается... Ого! Это нам лучше будет крупным оптом брать. Отлично получится, вообще за копейки возьмем.

– А не много ли – сразу на месяц? Может, мы тут и недели не продержимся.

Но Вера была в боевом настроении.

– Помирать, так с музыкой.

И пошла заказывать товар. Ей еще предстояло договориться, чтобы доставку оформили до завтрака.

А к девушкам в келью заглянули гости. Это были те три женщины, которые вчера угощали их тортом. На этот раз они принесли большую коробку конфет, которую тут же и распечатали. Вместе с женщинами пришла еще одна девушка, худенькая, бледная и с заплаканными глазами.

Когда Нина разлила чай и кофе по чашкам, она кивнула на девчущку и спросила у подруг:

– Слышали, что у нашей Маринки случилось?

– Нет. А что?

– Жених ейный прошлой ночью исчез.

– Это как?

Нина вздохнула и с удовольствием приступила к рассказу. Чувствовалось, что эта женщина любила помолоть языком, посудачить о своих близких. Ну, да грех невелик, был бы человек хороший.

Оказалось, что Марина со своим женихом приехали три дня назад. И сразу же девушка стала жертвой настойчивых ухаживаний Игнатия.

– Уж как он ее обхаживал, вам и не передать. Проходу не давал. Все вокруг девочки крутился. На Азара и внимания не обращал. Хоть он тут есть, хоть его нет. Один раз чуть до драки дело у них не дошло. Но Азар против Игнатия, что плеть против обуха. Тощий и хилый, а Игнатий, он и в пле-

чах широк, и подражаться не дурак. Одним словом, пихнул он Азара, тот в сугроб кубарем и покатился. Дружки Игнатия стоят ржут, весело им, дебилам. Маринка своего жениха из снега откопала, а тот в крови весь. Ударился, бедняга. Ну, мы его подлечили, заштопали, пластырем ссадину заклеили, вроде бы ничего. Другой день тихо все было. Игнатий, если и скалил зубы, так издали. Ближе к Маринке подходить не рисковал. Мы ему открытым текстом пригрозили, что о его художествах отцу Анатолию доложим. Весь день Марина с женихом вместе провели. А вот прошлым вечером Галина вдруг к Азару с Мариной в келью заявляется и говорит, что вместе им жить нельзя. Мол, если не обвенчаны, то нечего блудить тут. Либо пусть уезжают, либо Марина в келью к женщинам, а Азар уж тут один ночует.

– И что? Молодые согласились?

– А куда им было деваться? Темнело уже. А отсюда до ближайшей остановки шесть верст пути. Лесом! А там волков слышали. Могли и не дойти молодые. В общем, Марина с Азаром решили, что одну ночь, так и быть, перекантуются, а на следующий день вместе уедут. И ночью Азар пропал!

– Как?

– Никто ничего понять не может. Утром Марина к нему пришла, чтобы вещи вместе собрать, а его нет.

– А вещи?

– Вещи на месте. То есть и его вещи и ее вещи все на своих местах, а Азара нет.

– Значит, он один уехал. Мог и без вещей смыться, если приспичило так.

– Не мог он уехать, – резко возразила молчавшая до сих пор Марина. – Мы с ним договаривались, что утром вместе поедем!

Наташа хмыкнула.

– Я со своим мужем тоже о многом договаривалась. Только ты спроси, многое ли он из этого выполнил?

– Азар не такой.

– Все они такие. Обиделся, может, на тебя, вот и уехал, не дождавшись.

– За что же обижаться?

– А что ты ночевать в другую келью ушла.

– Он сам сказал, что не нужно скандала затевать и чтобы я шла с Галиной. Сказал, что одна ночь ничего не решает.

– Одно дело, что мужчины говорят, и совсем другое, что у них на уме.

– Точно! Полежал ночку один, всякое неладное ему в голову и полезло. Что ты по своей воле ушла, что не к женщинам в келью, а куда-нибудь к любовнику. Или еще чего. Мало ли какая придурь мужику в ночи почудиться может, когда он один спит!

Марина под таким давлением сначала притихла, а потом спохватилась:

– А паспорт-то? Паспорт Азара у меня остался. Как же он без паспорта удрал?

– Может, не сразу вспомнил?

– Да он мне не только паспорт, но и весь бумажник отдал. Его келья без замка. Азар в келье один. Если выйдет в туалет, кто захочет может в келью войти и что угодно забрать. Азар рассеянный, мог бумажник прямо на столе забыть. Приходи и бери! Конечно, люди тут хорошие, все спасаться приехали, а только вдруг? Рисковать не хотелось. Вот он мне свой бумажник и отдал. А там и деньги, и документы, и карточки. Куда бы он без карточек и денег уехал?

Это был уже серьезный аргумент.

– А ты звонить ему пробовала?

Марина взглянула на них чуть ли не с жалостью. Как на убогих.

– Ну, конечно, я звонила ему! Обзвонилась за целый-то день.

– Значит, смартфон у Азара с собой?

– В вещах я его смартфона не нашла. Только он его выключил, наверное. Дозвониться не получается. Я и домой ему звонила, да только напрасно мать его потревожила. Она теперь тоже сидит, дергается. Где Азар? А где он, одному богу известно.

Нина глубоко вздохнула и закончила:

– Такие вот дела, девочки. Целый день голову ломаем, что с Азаром случилось. Теперь вот вы подумайте.

– Мне кажется, я догадываюсь, что с ним случилось.

Все с удивлением обернулись к Вере, которая стояла в

дверях. За разговором никто не заметил, как Вера вернулась и тоже слушала рассказ Марины с Ниной.

– Только мне надо мою догадку проверить. У кого есть перекись водорода?

– Ты порезалась? Аптечка у матушки Анны имеется. Там и йод, и зеленка.

– Нет, мне именно перекись нужна.

– Перекись у них тоже есть.

– Тогда я мигом!

И Вера убежала. Отсутствовала она недолго. Домик, в котором жил отец Анатолий со своей матушкой, находился в двух шагах. Вера вернулась, держа в руках стеклянный пузырек.

– Удачно получилось. Отец Анатолий один был. Я сказала, что порезалась, он сам мне указал, где аптечка. И даже не посмотрел, что я беру.

Говоря это, Вера проворно схватила пальто Янки. И растелив его перед собой, капнула перекисью на пятно. В том месте, где на пятно попала перекись, появились мелкие пузырьки и послышалось тихое шипение. Впрочем, и то и другое быстро исчезло, словно бы ничего и не было.

– Эй! – возмутилась Яна. – Что ты делаешь?

– Так я и думала, – мрачно произнесла Вера. – Это кровь!

– Что?

– Не случайно запах знакомым показался. Ты свалилась в снег, который был чем-то испачкан. Так вот, не чем-то, это

была кровь!

– А лужа...

– И лужа на дороге, наверное, тоже была замерзшей кровью.

– Чьей?

Но Вера не ответила. Само ее молчание было выразительнее всяких слов.

– И вот что я нашла сегодня утром на том месте, где была вчера лужа!

И она вытащила из кармана какой-то овальный предмет. Приглядевшись, женщины поняли, что это рукоятка ножа. Клинок был обломан. А сама рукоятка была выточена из металла.

– Такие ножи есть у нас на кухне, – сказала Вера. – Одного ножа в комплекте как раз не хватает. Я сегодня проверила.

Женщины смотрели на сломанный ножик со страхом. Исчезнувший Азар. Замерзшая лужа крови возле трапезной. Пропавший с кухни нож. Вражда Азара с Игнатием. Сам Игнатий, наведывающийся в кухню, как к себе домой.

– Не может быть! – прошептала Наташа. – Неужели он его убил?

– А тело спрятал!

– Наверху!

– В трапезной!

– То-то он там крутился!

Услышав это, Марина начала рыдать. Женщины кинулись

ее утешать. А Янка, отнимая пальто у Веры, осуждающе произнесла:

– Разве можно так с бухты-барухты судить. Может, это и не Азара кровь была.

– А чья?

– Другого человека. Или курицы.

– С курицы столько натечь не могло. Разве что их там целый курятник перерезали.

– А со свиньи?

– Со свиньи могло, конечно. Только где ты тут свиней видела? Или тех же куриц?

Действительно, скотного двора при строящемся монастыре пока не было. А сами работающие на строительстве люди ни мяса птиц, ни мяса животных в пищу не употребляли. Потому и забить животное не могли. Не говоря уж о том, что довольно странно было бы резать свинью прямо посередине дороги, по которой в трапезную несколько раз в день ходят все обитатели строительства.

Притихшая было Марина снова принялась рыдать.

– Погоди, давай разберемся, – заторопилась Наташа. – В каком часу вы вчера вечером расстались с Азаром?

Женщины вместе с Мариной стали вспоминать обстоятельства произошедшего. И пришли к выводу, что расстроенная Марина появилась у них где-то около десяти вечера, но потом она еще несколько раз бегала к Азару, последний раз она убежала к нему почти в одиннадцать вечера.

– Мы ее еще предупреждали, чтобы не шутила. В одиннадцать отбой, во всем монастыре выключают свет. В темноте будет возвращаться.

Марина вернулась за пять минут до отбоя. И значит, почти до одиннадцати часов вечера Азар был цел и невредим.

– Вот и нечего людей пугать! – сердито сказала Наташа, обращаясь к Вере. – Не Азара это была пролита кровь, а чья-то другая! Мы в трапезную около десяти вечера пошли. Галина сразу после нас помчалась Марину с Азаром терроризировать. А пятно в это время на дороге уже было! И оно было замерзшее. Значит, пролили там кровь гораздо раньше.

– Но раньше в трапезную люди шли ужинать, потом с ужина возвращались. Может, кто-то из них упал, расшиб себе нос, отсюда и кровь?

– А сломанный нож?

– Его кто-то из мужиков мог взять, чтобы лезвие поправить. Упал, а нож и выпал.

– Или упал, нож выпал, сам мужик порезался, отсюда и кровь!

Версий было много.

– Одно ясно: что к исчезновению Азара это пятно не имеет никакого отношения. Оно появилось гораздо раньше. Марина, слышишь? Цел твой Азар. Не реви! Мужик не иголка – найдется!

Но Марина все равно хлопала носом.

– Что же мне делать дальше? Уезжать или оставаться?

Если уехать, то как и кто будет искать Азара? А остаться Марина тоже боялась, потому что после исчезновения Азара ей придется снова выносить пристаивания Игнатия. И хотя сегодня Игнатий вел себя прилично, Марина полагала, что это лишь потому, что она весь день была в компании кого-то из женщин.

– Но я же не могу постоянно кого-то просить меня провозжать. Рано или поздно Игнатий меня подкараулит. Я его боюсь!

– А ты отцу Анатолию пожалуйся.

– Да. Наверное, я так завтра и сделаю.

– Зачем до завтра ждать? Прямо сегодня и пойдем.

Но прежде чем что-то решить окончательно, женщины услышали какой-то шум. А затем в келье появилась матушка Галина. Нина сделала движение, чтобы спрятать коробку конфет, но не успела. А от зоркого глаза вошедшей матушки Галины не укрылось ничего. Она увидела и сами конфеты, и движение руки Нины, и смущение остальных женщин. И на мелком, похожем на мордочку хищного зверька, личике матушки Галины появилась какая-то противная улыбочка.

– Чаевничаете, – пропела она своим тоненьким голоском. – В постный-то день, в среду? Ну-ну.

– Почему среда? – удивилась Янка. – Сегодня же еще вторник. До полуночи далеко.

– Церковный-то день с заката, а у нас с шести часов вечера считается. Сейчас уже почти восемь, так что среда два часа

как наступила. В монастырь приехала, так что стыдно этого не знать, дорогуша.

Все смутились еще больше. Потупившись, все молчали, не зная, зачем эта противная тетка, умудрявшаяся гасить веселье всюду, где появлялась, возникла у них на пороге снава.

– А я к вам за тем пришла, чтобы сказать: завтра в Дорохово ехать нужно. Там бабушки старенькие в опеке нуждаются. Мужики дрова колоть бабушкам станут, а женщины в избах прибирать. Бабушки старенькие, одинокие, сами уже ничего не могут. Детей или родственников, способных за ними поухаживать, у бабушек нет. Вот мы и поедем, сделаем богоугодное дело.

Странное дело: и голосок у матушки Галины был тонкий, и говорила она негромко, а все равно казалось, что ее голос впивается в мозг. И сверлит, и долбит, и проникает все глубже и глубже. Хотелось закрыться руками, спрятаться или во все убежать подальше от этого тихого въедливого голоса.

Напоследок матушка Галина сказала:

– А Мариночка может переночевать у меня в келье. Завтра вставать нужно рано, вы-то привычные к утреннему молитвенному правилу, а девочке лучше со мной побыть. Пойдем, Мариночка. Да оставь вещички-то, налегке доброе дело сподручней будет делать.

И прежде чем кто-то из женщин успел спохватиться и что-то возразить, матушка Галина ухватила Марину своей цепкой сухонькой лапкой и уволокла за собой. Оставшиеся

женщины недоуменно переглядывались. Что это могло означать? Все знали, что «честь» переночевать в келье у матушки Галины выпадает только самым отъявленным нарушителям правил. Таких неисправимых матушка Галина селила поближе к себе, и они или исправлялись, что случалось всего один-два раза, или покидали стены монастыря. Последнее, надо признаться, случалось куда чаще.

Но к этому сильному средству для самых неугодных матушка Галина прибегала лишь в силу чрезвычайной надобности. Посторонних у себя в келье она не любила.

– Мой дом – моя крепость.

К себе в келью матушка Галина без особой необходимости даже родную сестру – матушку Анну – и ту не звала. Исключение составлял один лишь Игнатий. Тому можно было всюду, матушка ни в чем не могла отказать своему великовозрастному дитяти, хотя иной раз шумела и ругалась на него больше других. И все-таки даже Игнатий не жил вместе с матушкой Галиной. Она обитала в келье в полном одиночестве, которое ценила необыкновенно.

Но сейчас все недоумевали, чем таким ужасным могла досадить матушке Галине эта кроткая девочка Марина? Было похоже, что матушке Галине очень сильно хотелось избавиться от Марины. А этот способ был быстрым и к тому же многократно проверенным. Осечек он не давал. Всем присутствующим в тот момент, когда матушка Галина уводила с собой Марину, стало ясно: иного способа, как сплавить

подальше из монастыря неприятную ей девчонку, тетенька просто не видит. Вот и идет на самые крайние и отчаянные меры.

Вот только чем же ей так насолила Марина?

Глава 4

Следующее утро началось с шести часов. И это было еще позднехонько, потому что матушка Галина поднялась на два часа раньше. Бледная, с синяками вокруг глаз, Марина шепотом делилась с подругами событиями пережитой ночи.

– До часу ночи Галина поклоны клала, и я с ней. Ни спать, ни дремать, ни просто глаз закрыть. За каждую провинность десять раз дополнительно прочесть «Богородицу». Я уже ничего не соображаю, а этой гримзе хоть бы хны.

– Привычка.

– Ладно, в час ночи мы наконец спать легли. Я отрубилась мигом. Только заснула, она меня за плечо трясет. Вставай, милая, утреннее правило читать будем. Я на часы мельком глянула и обомлела. Три часа ночи! Два часа всего поспали, и снова молиться. До пяти утра молились, потом она куда-то вышла, а я на часочек вырубилась. Это какой-то кошмар! Зачем она так молится?

– Грехи замаливает.

Но Марина продолжала ужасаться:

– Да разве может быть у обычного человека столько грехов!

– У обычного, может быть, и не может. А вот у верующего наберется.

– Ну да, – не поверила Марина.

– А ты посчитай. Анекдот рассказать – грех. Телевизор смотреть – грех. Сплетничать – грех. Не говоря уж о более серьезных вещах. По сути дела, вся наша земная жизнь – это длинная вереница сплошных прегрешений, больших и маленьких. Даже когда постишься, молишься, творишь милостыню, и тут в грех легко можно впасть.

– Это как же? Вроде ведь хорошее дело делаешь. Какой же тут грех?

– А начнешь воображать, что ты такая из себя вся правильная, да благочестивая, да хорошая, другие и мизинца твоего не стоят, только и знают, что грешат, книг духовных не читают, молитв не знают, в церковь вообще не ходят, пропадают одним словом, не то что ты, фактически уже праведная. Ну и готово дело. И молитва уже не впрок, и прочее тоже.

– Не знаю, – покачала головой Марина. – Если столько молиться, когда жить?

Но матушка Галина успевала все. Кипучей энергии этой сухонькой пожилой женщины можно было только позавидовать. Если бы матушка не была такой противной по характеру, подружки первыми бы восхитились ею. Но сейчас не могли.

После снегопада дорогу до забытой деревеньки, где обитали старушки, совсем занесло снегом. Можно было бы приспособить какую-нибудь технику, чтобы быстро расчистить снег, но матушка Галина по своему обыкновению проявила рачительность и заявила, что зря жечь бензин они не будут.

– Бензин денег стоит, а ваши руки дармовые. Послужим ими во славу Божию!

И первой схватилась за лопату. Работала она сноровисто, ничего не скажешь. Как-то совестно взрослым парням было отлынивать от работы, когда рядом с ними кидает лопату за лопатой изящная пожилая дама. Так потихоньку да полегоньку и прокопались к деревеньке. Впрочем, снег был рыхлый, чистить его было одно удовольствие. Да и дорогу кто-то периодически чистил. По обеим сторонам высились огромные сугробы, к которым сейчас прибавилась новая порция снега.

– А дорога-то дальше за деревню ведет, – заметила Янка, которой всегда и до всего было дело.

Но матушка Галина сурово ее одернула:

– Что ты выдумываешь!

– Так вон же! Дорога! В лес идет. Вы что, не видите?

– Не вижу!

Матушка Галина упрямылась, а дорога и впрямь просматривалась. Хотя и засыпанная снегом, дорога была, и вела она в лес. Узкая такая дорожка, одной машинке впору проехать, двум тут уже будет не разъехаться. По обе стороны сугробы, в которых в полный рост может спрятаться взрослый человек. Видимо, дорогу периодически чистили сами обитательницы деревни, когда за какой-либо надобностью пробирались к чернеющему за околицей лесу.

Жилыми в деревеньке стояли лишь два дома. В каждом

обитало по одной старушке. Младшей в прошлом месяце стукнуло восемьдесят шесть, а старшая родилась еще при царской власти. Дома были старенькими и ветхими, как и сами их обитательницы. Старушки хорошо знали матушку Галину и ждали ее с явным нетерпением.

– Кормилица наша! Приехала!

Матушка Галина начала деловито выгружать принесенные с собой гостинцы: сыр, мягкий хлеб, который пекли в монастыре, масло, гречку, рыбу. Вся еда была свежей и даже на вид очень вкусной. Приготовлена она была чисто, завернута в вышитые полотенчики, и старушки такой заботе умились просто до слез.

– Матушка! Благодетельница! В целом свете только вы с отцом Анатолием и матушкой Анной о нас и помните. Без вас мы бы эту зиму не пережили. День и ночь за вас Бога молим!

Матушке Галине эти восхваления были очень приятны. Она даже разругалась от удовольствия. И стала еще более азартно гонять своих подручных.

– Ребята вам сейчас и дров наколют.

Бабки всплеснули руками.

– На всю зиму запас сделают!

От таких чудес старухи лишились дара речи.

– И крыши перекроют.

Тут уж у бабулек и вовсе их вставные челюсти повыпадали.

А матушка Галина знай себе гоняла в хвост и гриву тех, кто с ней приехал. Но с бабульками у нее был совсем другой разговор. С ними она становилась и нежной, и ласковой, и любящей, и заботливой. Катька слушала и просто диву давалась, что всегда суровая матушка Галина, оказывается, знает и ласковые слова. Да еще активно их употребляет в разговоре с двумя местными бабульками.

– А как достроимся, так я вас к себе в богадельню заберу, – пела она бабкам. – И как славно отец Анатолий все придумал. Старым, говорит, ходить далеко трудно, вот мы их поближе к трапезной и определим. Уже и кельи ваши готовы, только обоями изнутри оклеить да мебель купить.

– Ах, как хорошо!

– Куда лучше, – соглашалась матушка Галина. – На первый этаж спуститесь – тут вам кухня, в любой момент и чаю нальют, и пробу с готовящейся еды снять дадут. А из кельи выйдите – тут же вам и трапезная. Тогда уж не придется к вам пробираться и через снег дорогу себе прокладывать. Каждый день буду к вам приходить. И на заутреню вместе пойдем, и к обедне встанем. И по вечерам станем с вами чаевничать. У нас в монастыре повара знатные. Прянички пекут, точно снег во рту тают. Скушаешь – и точно в раю побывал. Да вы угощайтесь, бабушки!

Бабушки ни в чем себе не отказывали. И дружба их с Галиной крепла. И матушка Галина прикладывала к этому немало сил. Катька не знала, что ей и подумать, с чего вдруг у

Галины проснулась такая любовь к этим старухам, но Нина ей объяснила:

– Дура ты недогадливая! Думаешь, Галине эти бабки нужны? Ей отец Анатолий велел этих двух старух пригреть, чтобы дома их себе забрать.

– Да что там за дома? Одни дырки наружу светятся.

– А земля-то вокруг? Они последние жительницы деревни. А если старух к себе перевести да опеку над ними оформить, так вся их земля в пользование отцу Анатолию отойдет. А он тут скит думает поставить. А в скиту послушников-мужчин поселить. В монастырь отец Анатолий мужчин пускать не хочет, планирует отдельно их устроить.

Катя про себя согласилась. Хозяйственная задумка отца Анатолия и впрямь хороша. Земли свободной много. Снести старые дома, так ее еще больше будет. И ведь если есть земля, то должен же кто-то эту землю обрабатывать.

– Трактор и комбайн у отца Анатолия еще с осени заказаны, – продолжала сплетничать Нина. – Стоят на складе, дожидаются. Вот весна наступит, пахота и начнется.

– А дома эти снесут?

– Ясное дело. Сама же сказала, что гнилье.

– Но бабушки к своим домам привязаны. Как Галина их соблазняет, а они нет-нет да и ввернут словечко, что кабы все то же да у них дома. Вот счастье бы им тогда было.

– Бабкам о том, что с их домами станет, и знать не надо, они к этому времени уже при монастыре жить будут. Да и

вообще, чистая любезность со стороны Галины, что она им жилье и уход предоставит. Как я слышала, бабки уже давно все на отца Анатолия переписали. Захочет, может и сегодня их дома снести. Но с другой стороны, зачем ему торопиться? Может, бабки до весны еще и не дотянут.

– Как-то нехорошо про чужой век загадывать.

– А что делать? Старые они уже. В прошлом году их тут человек шесть еще было. А как Галина этой зимой своего сына к ним на помощь посылать стала, по бабкам словно мор прошел. Только эти две и уцелели. Игнатий с мужиками не успевали гробы подвозить.

Катя пожилаясь. Снова этот Игнатий! И тут без него не обошлось. Вера тоже услышала про Игнатия и не сдержалась, ойкнула.

– Что с тобой?

– Ой, девочки, – вздохнула Вера, – ведь не хотела в грех осуждения впадать, да, похоже, придется сказать вам про Игнатия всю правду. Страшный он человек. И дела вершит тоже страшные.

– Ты что знаешь? Расскажи!

– Я ведь Игнатия и раньше встречала.

– Где? Тут? В монастыре?

– Нет, совсем не в монастыре. В городе. В прошлом году это было. Пришла я к своей приятельнице Свете Коростылевой, мы с ней вместе учились. Она меня давно к себе в гости звала на новую квартиру, вот я и пришла. Пришла, зна-

чит, сидим, чай пьем, разговариваем. А тут ее брат приходит. А про брата Светки я уже давно наслышана была, что он личность уголовная, пару раз уже на зоне побывал. Вроде как последняя отсидка пошла ему на пользу, с криминалом завязал, магазинчик свой собственный открыл. Правда, большой вопрос, откуда деньги на аренду, да вроде как сердобольные родственники скинулись. Мол, не пропадать же родственнику. Сидим, болтаем, если не знать, что Димка из сидельцев, так и не скажешь. Глаза только выдают, а так нормальный мужик. В общем, выпили еще чаю, вдруг звонок. А у них квартирка маленькая, в кухне сидишь – коридор видишь. Вот я и увидела, как Игнатий в дверь входит.

– Игнатий? Наш Игнатий?

– В том-то и дело.

– Может, похож просто?

– Нет, точно он.

– И что ему понадобилось? Он знаком с твоей Светкой?

– Нет, не с ней, а с ее братом. Он к Диме явился. И не просто так, а вещи ему принес.

– Какие вещи?

– Ох, какие... Ворованные! И сразу же с порога их Димке совать начал. Золотишко какое-то там было, телефоны, и говорит, говорит, быстро так, почти слов не разобрать, а только ясно, что быстрее надо товар сбыть, мол, горячий он. Дима на нас озирается, видно, что неловко ему. Оттеснил Игнатия в свою комнату. А мы со Светкой, не будь дуры, шмыг

к дверям и подслушали, о чем у них разговор шел.

– Зачем?

– По правде сказать, это Светка первая придумала. Очень уж ей братца охота было на чистую воду вывести. Не верила она, что он честную жизнь начал и с криминалом полностью завязал. Горбатого, мол, только могила исправит. Злилась, что родня ему на магазин скинулась, а ей, когда она просила на новую шубу, денег зажали. Вот она и стремилась брата разоблачить, а родственникам доложить, что она права оказалась, а не они. И ведь то правда, что права именно Светка оказалась. У Димы с Игнатием темные делишки нарисовались. То золото, телефоны и еще какие-то вещи, которые Игнатий припер, они чужие были. Игнатий их у настоящих хозяев то ли украл, то ли ограбил тех людей. Он то так говорил, то эдак. Может, что-то украл, что-то силой отнял. Но нам со Светкой стало ясно, что хозяева не по доброй воле со своим золотишком расстались. И что теперь по следу грабителя полиция идет. Димка, ясное дело, от таких новостей в крик. Зачем, мол, ко мне явился? Да еще домой? Подставить меня хочешь? Вали отсюда. А Игнатий его пугать начал. Мол, если меня с товаром возьмут, я тебя в первую очередь сдам. Лучше бери, к тебе могут еще и не прийти. А если и придут, ты им дверь не открывай, имеешь право.

– И что? Взял Димка то золото?

– Взял. Что у них после этого со Светкой было, я не знаю. Сдается, крупный скандал вышел. Светка-то воровства на

дух не переносит. Она и брата согласилась к себе в квартиру пустить только потому, что его словам о перевоспитании и новой жизни поверила. А тут такое. Оказывается, под предлогом комиссионного магазина Димуля скупку краденого товара у себя устроил. Ему воры и грабители со всего города свой товар везли.

– И куда Дима потом эти вещи девал?

– Продавал!

– Без документов? Без чеков? Без накладных?

– Уж как он потом этот товар реализовывал, это отдельная история. Может, он для отвода глаз и еще чем-то легальным торговал. Но я поняла, что основной товар для своей лавочки Дима брал от всякого криминального элемента. И Игнатий был из их числа.

После откровений Веры долго царил тишина.

– А ты уверена, что не ошиблась?

– В чем?

– Ну что там к этому Диме именно наш Игнатий приходил?

– Говорю же вам, он самый и был! Роба у него характерная. Я его запомнила. Тем более что он и тогда тоже с бородой вначале был.

– Как это?

– Накладная у него была борода. Пришел к Диме с бородой, ушел гладковыбритый. Пришел в синей куртке, ушел в черной.

– А-а-а! Маскировался!

– Вот так племянничек у нашего отца Анатолия! – воскликнула Наташа. – Интересно, батюшка знает про художества родственника?

– Вряд ли, – покачала головой Вера. – Хоть отец Анатолий и близко к святому стоит, но и у него своя осторожность имеется. Разве это можно, чтобы вора и грабителя у себя в общине привечать?

– А может, Игнатий с тех пор переменялся? Раскаялся?

– Все может быть. Только лично мне в это не очень верится.

Да и всем подругам не верилось. То, как вел себя Игнатий, поведение раскаявшегося грешника ничем не напоминало.

Сам Игнатий появился в деревне уже ближе к обеду, когда вся самая тяжелая работа была переделана. Не замечая взглядов, которые исподтишка кидали на него подруги, он гоголем прошелся по деревне, пересчитал дрова в поленницах и заявил, что сделано мало.

– Ты где пропадал? – напустилась на него мать. – Люди работают, а ты!

Но Игнатий и не думал смущаться. Не такой это был человек, чтобы женский крик мог его смутить. Наоборот, вид у него был самодовольный и немножко наглый, словно у кота, нажравшегося от пуза хозяйских сливок, отлично сознающего свою провинность, но и не думающего каяться. Игра

стоила свеч, вот что было написано на физиономии Игнатия.

– Утихните, маменька, – грубовато сказал он. – По делам ездил. Дяденька посылал.

Дяденькой этот тип величал отца Анатолия, хотя самого отца Анатолия всякий раз от такого обращения передергивало. И вообще, у подруг сложилось ощущение, что отец Анатолий и сам то ли недолюбливает, то ли и вовсе побаивается этих своих родственников. Иной раз он так на них поглядывал, особенно на Игнатия, что всякому становилось ясно: бабюшка с удовольствием прогнал бы «родственничков» взащей. Но смотреть смотрел, а делать ничего не делал. И всем было так же ясно, что самостоятельно отец Анатолий избавиться от них не может.

Она заметила, что и деревенские старушки тоже Игнатия побаиваются.

– Снова этот шалапут явился! – шептали они друг дружке. – Неужто кому-то из нас помирать время пришло? Ох, жалко-то как! Считай, вот оно счастье, только руку протянуть, а не доживем мы, Матрена, похоже.

– Бог даст, доживем.

– Ну, поди, одна и впрямь доживет.

Прибравшаяся в избе Катя воспользовалась отсутствием матушки Галины и без ее строгого призора присела к старушкам за стол.

– О чем это вы говорите, бабушки?

Старушки оживились. Новый собеседник – это всегда хо-

рошо, особенно в таком захолустье. Они проворно налили Катюше чаю в большую фарфоровую чашку. Чай был жидкий, а вот чашка красивая. Она была расписана сочными джарками и улыбающимися трактористами. Те и другие стояли рядом и держали в руках транспарант с надписью «Да здравствует десятая годовщина Великого Октября!». И от всей этой незамысловатой сценки веяло таким энтузиазмом самых первых лет революции, что Катю даже в пот бросило. Хотя это могло быть и от горячего чаю.

– Красивая у вас посуда.

– Старье! Хлам! Что там о нем и говорить!

Катя мельком глянула в старенький сервант. Помимо остальных предметов от сервиза в честь десятой годовщины Октября там попеременно с засохшими букетиками полевых цветов, пыльных веточек вербы и бумажными картинками стоял и еще кое-какой фарфор. И какой фарфор!

Целая полка была отведена под фигурки. У Кати даже дыхание перехватило, когда она увидела все это фарфоровое богатство и разнообразие, какого и в иных музеях теперь не найдешь. Тут же была и фигурка нанайского мальчика в традиционной зимней шубке. И прыгающая на скакалке девочка в платье и с косичками, прихваченными бантиками. И серьезные первоклашки с огромными коричневыми портфелями. И фарфоровая композиция влюбленной среднеазиатской парочки в халатах и тюбетейках: он с арбузом, она с ягненком на руках.

Тут же находилось еще множество фарфоровых фигурок – матросов, футболистов, гармонистов, плясуний – весь тот яркий фарфор, который выпускали в СССР и который так высоко ценится теперь коллекционерами.

Увидев и оценив хотя бы примерную стоимость всей этой коллекции, Катька просто ахнула про себя.

И тут же услышала старушечий голос:

– Вишь, какой глаз у него черный!

Сосредоточившаяся на фарфоре Катя с трудом вернулась к теме их беседы. Обе старушки смотрели на нее выжидающе, явно ожидая комментария к последней своей реплике. А о чем они говорили? Ах, да! Разговор шел об Игнатии. А у кого глаз черный? У Игнатия оба глаза были голубыми.

– Всякий раз, как он у нас в деревне появляется, кто-нибудь помирает.

Вот о чем шла речь!

И Катька поразилась:

– Что? Всякий раз?

– Ну, положим, не всякий, врать не станем, раз на раз не приходится, а все-таки частенько бывает. Приедет Игнатушка, поможет кому из бабушек, а потом в дом смерть приходит! Зайдем утром, а она уже лежит себе холодненькая. Ручки на груди сложила, глазки в потолок и молчит, сердешная.

– А в полицию вы заявляли?

– Зачем в полицию? – удивились бабушки. – От сглаза она разве поможет?

– А вы не думали, что Игнатий может сам иметь отношение к этим смертям?

– Конечно! – закивали с готовностью обе бабульки. – Натура у него такая черная. И злоба изнутри прет. От этого и сглаз случается, и порча всякая. Мы-то с Меланьей от его помощи подальше держались, в дома к себе не пушали, поэтому, должно, и уцелели обе.

Катя выглянула в окошко.

– Он в маленький голубой домик пошел. Не знаете чей?

Одна из старушек вздрогнула.

– А ты глянь, труба там покосившись?

– Трубу сейчас ребята поправляют. А была покосившаяся.

Старушка побледнела.

– Мой это дом.

– Ну все, Меланья, похоже, пришел твой черед.

Вторая бабулька не скрывала своего удовольствия, что помирать придется все же не ей, а по-друге.

– Да и то сказать, зажила ты на этом свете. Который тебе годок-то? Сама, небось, не помнишь. Ну, да бог с тобой. Прощаться будем. Если в чем виновата пред тобой, сердца на меня не держи.

– Встретимся, Матрена.

– Так-то оно так, а все-таки я не спешу.

Бабулька из голубого домика совсем пригорюнилась. Мысль о скорой смерти страшила ее. Вот ведь совсем старенькая, ровесница века, а помирать все равно не хочется.

И Катя воскликнула, чтобы разрядить обстановку:

– Бабушки, что вы такое говорите! Совсем не обязательно, чтобы кто-то из вас помер.

– Только больше-то никого в деревне не осталось в живых, – тоскливо возразила Меланья. – А Игнатий в мой дом зашел. Знать, мой черед и пришел.

– Будет вам!

– Нет, помру я. Чувствую, что помру.

– Не будет этого! – твердо произнесла Катя.

– А ты почему знаешь?

– Я с вами останусь! И ничего с вами не случится.

Меланья взглянула на нее внимательно.

– Впрямь останешься? На всю ночь?

– Да! До утра просижу. Глаз не сомкну.

– А коли смерть моя придет?

– Если кто сунется, я его топором!

Вторая старушка захихикала:

– Смерть топором не проводишь.

А вот ее подруге, которая собралась помирать, предложение Катюши пришлось по нраву.

– А что? И впрямь ночуй у меня, – предложила она. – Пельменей налепим, рюмочку выпьем, на сытый желудок да навеселе и в дальний путь отправляться легче.

– Ладно, ночуй с ней, – неожиданно согласилась и вторая старушка. – Будет, кому глаза закрыть.

Старухи обнялись, расцеловались и перекрестили друг

друга.

– Прощай, Меланьюшка.

– Прощай, Матронушка.

– Свидимся?

– Свидимся.

– Бог с тобой.

– И с тобой.

Дома у второй старушки оказалось уже прибрано, все блестело и сверкало чистотой. Печь затоплена. Вода принесена. Старенькие занавески заботливо постираны и выглажены. Вдобавок пол был натерт мастикой на воске, от которой по всему дому шел волшебный аромат пасеки, цветов и лета.

И Катя подумала про себя, что не прогадала, решив остаться ночевать у старушки. Поехала бы сейчас с остальными обратно в монастырь, матушка Галина еще придумала бы какую работу. А так располагайся в чистом натопленном доме да отдыхай, красота!

Старушка, та так и вовсе восхитилась:

– Ну благодать прямо! Ох, как помирать-то жалко. Пока в грязи своей старицовой жила, в холоде да голоде, так оно и помирать не страшно было. А теперь все другое. Ну, что, Катюха, как собирались, пельменей сейчас с тобой налепим?

Катюха ничего не ответила. Честно говоря, лепить не хотелось. Да и не умела этого Катя. Но при бабке девушка постыдилась признаться, что пельмени они своими руками ни

разу в жизни не лепила. Зачем? Кате даже в голову такое никогда не приходило. Чего там возиться с тестом и фаршем, потом лепить, если можно в магазине всегда купить? На любой вкус и кошелек, любых форм, размеров и сортов!

Но бабка уже прикидывала:

– Мука есть. Вода есть. Фарш свиной Галина мне привезла, давно ее об этом просила, с него пельменей и налепим.

Фарш? Откуда же взялся фарш?

Но старушка уже распорядилась дальше:

– Сразу много налепим, чтобы и на поминки мне хватило. Возиться не придется. Блинов Матрена напечет, это она сумеет, а до всего остального у нее руки короткие. Пельменей же она сроду настоящих не лепила. Как ни попробуешь, то тесто пресное, то фарш суховат. А вся правда в том состоит, что в пельмени только лучшие куски класть надо. Окорок тут не сойдет. Люди думают, если пельмени, так пихай туда всякую дрянь. И ноги, и жилы, и шкуру, и сало. А так нельзя. Пельмень, он, Катюшка, только лучшие куски требует. И чтобы жирка было, но в самую меру. И не тот, что под шкурой, а так, знаешь ли, прослоечками. С ребер или с шеи.

Привезенный фарш старушка одобрила. Было его много, килограммов пять. Стоял в сених, где было прохладно.

– Лучку нажарим, чесночку натрем. Зачем только Галина перец сыпала? Прямо дух захватывает.

На два литра холодной воды ушла целая пропасть муки и два десятка яиц. Но зато и теста получилось в достатке. И

сама старушка завершила, что так пельменей хватит на всех в строящемся монастыре.

– Отблагодарю ребят за работу. Пусть хоть досыта поедят.

Тесто бабушка месила сначала сама, а когда оно стало совсем крутое, доверила Катюше. Та тоже месила до посинения, пока уже рук своих не чувствовала.

– Ну, теперь, отдохнет тесто чуток, и возьмемся за лепку, благословясь.

Пока тесто и Катя отдыхали, у девушки появилась возможность рассмотреть все в избе. Фарфора тут не было. Как объяснила бабушка Меланья, фарфор у ее подруги остался от отца. Он работал в колхозе, и как ударнику и передовику ему часто давали грамоты, а к ним продуктовые наборы. К примеру, дефицитные в деревне шоколадные конфеты или невиданную ветчину в красивых заграничных жестянках. Но эти предметы роскоши шли не сами по себе, к ним в нагрузку нужно было приобрести какую-нибудь залежавшуюся на складе фарфоровую фигурку.

– Отец Матрены ее мать очень любил, вот и баловал. Она до шоколада большая охотница была. Фарфор на полку, кому он надобен, а шоколадки себе.

– А у вас, выходит, никто в колхозе не работал?

– Как бы мы иначе жили? И отец работал, и мать, и дед, и бабка. Все в колхоз вступили. А кто не вступил, те в Сибирь в товарных вагонах уехали. Но мои родители никогда сверх норм на колхозном поле не надрывались. Отработали свое

и назад. На своем участке колупались, потому в колхозные ударники и не вышли. Шоколад им не полагался. Зато вышивки у нас в доме хоть отбавляй.

Это была правда. Вышивка тут была всюду. И на стенах висела. И на столе лежала. И даже занавески, которые Катя сперва приняла за кружевные, на поверку оказались украшенными тончайшей вышивкой. Вышивка была самая разная. Особенно поразил Катю один вышитый гладью портрет усатого брүнета.

– Это кто? Сталин?

– Орджоникидзе. К Пленуму ЦК вышивку заказали. Да он за несколько дней до этого помер, так вышивка у нас и осталась. И за работу не заплатили.

– Это кто же у вас так вышивал?

– А мать моя покойница белошвейкой была. И меня к тому же труду приучила.

Скатерть на столе тоже оказалась не кружевной, а вышитой вручную. И когда Катюша представила, сколько труда было положено на то, чтобы превратить целое льняное полотно в такую вот ажурную сеточку с помощью одних лишь ножниц да иголки с ниткой, ей захотелось поцеловать невозмутимую старуху.

– Вот вы труженица!

– Бог трудился и нам велел, – спокойно отозвалась бабушка Меланья. – Ну как там тесто? Дошло?

Тесто за час из крутого и почти совсем резинового нежи-

данно для Катюши и впрямь сделалось куда мягче и податливей. Теперь оно с легкостью тянулось, принимало любую форму, но при этом и не рвалось.

– Пора лепить!

Лепка заняла у них несколько часов. И это несмотря на то, что трудились они в четыре руки, Катя раскатывала тесто, а бабушка ловко лепила маленькие круглые пельмешки. Потом они поменялись. И лепить стала уже Катя. Сначала у нее выходили какие-то кривобокие уродцы. Но потом она наострилась. И дело пошло не хуже, чем у бабушки.

Каждую новую партию они выкладывали на огромные присыпанные мукой доски, а потом Катя выносила их на холод.

– Морозец – лучше всякого холодильника. В холоде пельмени до самой оттепели простоят.

Когда от фарша не осталось ни кусочка, старушка потянулась и с удовлетворением сказала:

– Хорошо поработали. А после трудов праведных и отдохнуть не грех. Соснем пару часиков, а там и вечерять сядем.

Отдохнуть Катя была никогда не прочь. Любила она это дело. А уж сегодня после трудов и впрямь праведных у нее было полное на это основание. Так что они с бабушкой Меланьей очень славно поспали, храпя в два голоса и создавая какой-то удивительный хор. Старуха спала на своей кровати, а Катю отправила спать на печку. Там были постелены одеяла из овечьих шкур, они были хорошо выдублены, мягкие,

и спалось на них лучше, чем на самом замечательнейшем из всех матрасов.

Спросонок Кате померещилось, что сначала по улице кто-то ходит, а потом и у двери кто-то скребется. Но она подала голос:

– Кто там?

И скрипение тут же затихло. Но вот шаги на улице Кате не померещились. Тихие такие шаги. Они раздавались за окном, пока в доме сладко спали две женщины – молодая и старая. Шаги на улице были едва слышные, и не разберешь, человек это крадется или дикий зверь.

Глава 5

Когда женщины проснулись, за окном было уже совсем темно.

– Заспались мы с тобой. Давно вечерять пора. Как там наши пельмешки?

Катя вышла в сени, куда выносила пельмени, и сразу вернулась назад. Вид у нее был изумленный.

– А их нет!

– Как?

– Сама не понимаю. Нет пельменей.

– Ни одного?

– Взгляните вы сами.

Старуха вышла в сени и тоже оглядела четыре огромные пустые доски, на которых еще несколько часов назад лежало больше тысячи хороших круглых пельменчиков, а теперь не было ни шиша.

– Куда же они делись?

Старуха покосилась на Катю. Принюхалась. Нет, в воздухе ни вареными, ни жареными пельменями даже не пахло. И сырыми не пахло, вот что интересно.

Катя наклонилась к доскам и внимательно их изучила. Ей в глаза сразу же бросилось одно обстоятельство. И она сказала:

– Даже муки нет.

И действительно, доски стояли чистые и блестящие, только что не отполированные. На них не было ни следа мучки, а ведь женщины основательно припорошили доски мукой, чтобы пельмени не липли.

– Не понимаю. Кто-то украл наши пельмени, а заодно и доски вымыл?

Бабушка Меланья неожиданно выпрямилась.

– Я знаю, кто это сделал.

– Знаете?

– Знаю, чьи это проделки!

И наспех сунув ноги в растоптанные валенки, бабка сунула в рукав одну руку и вот так нараспашку поспешила через сугробы к дому своей подруги.

– Матрена! – кричала она на ходу. – Матрена, ну я тебе сейчас задам перцу! Держись у меня!

Сначала Катя подумала, что бабушка Меланья подозревает свою подругу в краже пельменей. Девушка даже поспешила следом, чтобы вмешаться в ссору старух. Несмотря на свой почтенный возраст, бабушка Меланья выглядела еще достаточно бодрой, чтобы намять бока своей более молодой, но куда как более шуплой подружке.

А старушка продолжала негодовать, оглашая окрестности зычным ором:

– Матрена, сколько раз я тебе говорила! Держи Нугзара от деревни подальше. Всех кур у меня прошлой зимой передушил. Это же все-таки дикий зверь, а не домашняя собака.

И опять он накуролесил! А-а-а-х, ты батюшки!

Катя увидела, что, издав этот возглас, старуха замерла, словно наткнулась на невидимое препятствие. Она больше ничего не говорила, не шумела и вообще не двигалась. Когда Катя добралась через вновь заснеженную тропинку (что чисть снег, что не чисть) до бабушки, то она увидела на ее пути какую-то преграду. Что-то темное с четырьмя лапами, головой и хвостом лежало поперек дороги в снегу.

– Ах ты батюшки, – повторила старушка, но теперь в ее голосе не было слышно злости, а звучало что-то вроде растерянности. – Нугзарка, да как же это вышло с тобой такое?

Она опустилась на колени возле собаки и попыталась расшевелить ее. Но лапы собаки не двигались.

– Надо же, издох, – удивленно сказала старушка. – И давно, похоже. Застыл совсем.

Катя подошла поближе и поняла, что пес уже успел око-
леть.

– Это кто?

– Нугзарка наш. Лесник покойный его еще щенком в лесу подобрал, выкормил, к себе приучил, Нугзар совсем ручной стал. Только дикий зверь, он все равно дикий. Так и Нугзарка. Как подрост, в лес к своим сородичам убежал. Но каждую зиму назад возвращался. Людей совсем не боялся. Ручной волчок, что с него возьмешь.

– Ручной? Волк?

Только сейчас Катя разглядела, что перед ними лежит во-

все не собака, а волк. Самый настоящий волк. Серый зубастый хищник, каких раньше Катя видела только по телевизору да один раз в зоопарке. Но тамошний волк был совсем не страшным, а скорее дружелюбным, и совсем небольшим. А тут был матерый самец, крупный и на вид очень опасный. Из приоткрытой пасти высунулся красный язык, огромные белоснежные клыки были оскалены.

– Что же с ним случилось? – причитала старушка. – Ясно, что он к Матрене шел. Он всегда к ней зимой ходит.

Но почему-то по пути издох.

– Может, отраву съел? – предположила Катя. – Я читала, охотники на волков специально в мясо отраву кладут, чтобы поголовье хищников снизить, чтобы людям спокойно жилось. Может, и тут такое произошло?

Но бабушка Меланья в ответ только хмыкнула:

– Во всей округе лишь я да Матрена и живем. Это кто же у нас в администрации на отраву для волков тратиться станет, чтобы нам с Матреной от волков жилось спокойно? И кто травить поедет? Да и не жаловались мы с ней. Волки нас не трогают. Один Нугзарка к нам и приходил, да и то по старой памяти.

И что же случилось с лесным обитателем? Что стало причиной его смерти? Ни ран, ни других повреждений на теле у серого хищника видно не было. Крови тоже не было заметно. Однако молодое и сильное животное не могло просто взять и издохнуть. Для этого должна была быть какая-то причина.

Катя присмотрелась к снегу. Следы волчьих лап вели в обратном направлении. И пока бабушка Меланья оплакивала своего серого приятеля, Катя вернулась по следам назад в избу бабушки Меланьи. Волчьи следы вели на крыльцо дома бабушки, а потом и в сени. И внезапно Катю осенило.

– Вот кто сожрал наши пельмени! Нугзар это сделал! И доски языком тоже он вылизал! Ясно, почему они чистыми оказались!

С голодухи волк умудрился сожрать и сырое замороженное мясо, и тесто, и мукой не побрезговал. Видать, совсем живот у серого подвело, если он даже все доски после облизал.

В первый момент Катя ощутила тот же гнев, что и сама бабушка Меланья, когда поняла, чьих лап эти проделки. Но потом девушка задумалась. Выходит, Нугзар сожрал их пельмени и сразу после этого издох. Ни до леса или даже до дома своей второй приятельницы добраться не успел, свалился на середине пути и помер.

– Обожрался! – осенило Катю. – Несварение желудка у животного случилось. Ну еще бы! Столько пельменей сырыми умять. Да еще тесто!

Но когда Катя изложила эти соображения старухе, та подняла ее на смех.

– Волкам, если зимой посчастливится тушу павшего лося или кабана найти, они ее в один присест сожрут, с костями, рогами и копытами. И ничего им не делается. Какое там

несварение желудка! О чем ты! Волки и слов таких не знают. Что мягче камня, то их желудок отлично переварит. Ты лучше иди назад в дом, принеси оттуда рогожу какую. Надо нам Нугзара с дороги отволочь.

Но Катя все равно не могла успокоиться. Она четко видела взаимосвязь между пропажей их пельменей и смертью ручного прикормленного сердобольными бабками волка. Если Нугзар издох оттого, что сожрал их пельмени, то что бы это могло значить лично для них?

Вернувшись с рогожей назад к туше мертвого волка, Катя обнаружила исчезновение бабушки Меланьи.

– Новая история! Куда старушка-то теперь делась?

Впору было бы запаниковать. Вокруг стояла непроглядная темень. Лишь далеко в лесу вроде как мерцал какой-то крохотный огонек. Но то ли он Кате почудился, то ли что, а только вскоре и его не стало видно. Ни фонаря, ни светящейся рекламы, ничего! Одна лишь зимняя ночь, снег и пустота. Кто-то скажет, красота, но Катюша была горожанкой до мозга костей. Ее окружающие поля и леса пугали.

Так и чудилось, что сейчас оттуда выйдут приятели Нугзара и одними сожранными пельменями дело тут не ограничится. Девушкой Катя была во многих местах мягкой, и она справедливо опасалась, как бы хищники ее не погрызли. Если уж они даже бабкой Меланьей не побрезговали.

Но потом Катя взяла себя в руки и сообразила, что без боя

энергичная старуха бы волкам не сдалась, значит, она просто куда-то ушла. Но и пойти в деревне особенно некуда. Следовательно, если бабушки нет на дорожке и домой она к себе тоже не возвращалась, значит, она пошла к своей подруге.

И Катюша тоже поспешила к дому бабушки Матрены. В дверях она столкнулась с самой хозяйкой, которая, накинув на плечи шубу, шла своими глазами убедиться в смерти любимца. Всю оставшуюся часть вечера и ночи бабки оплакивали волка. В их воспоминаниях он вновь становился несмышленным щенком, которого бабушки с их другом – старым, ныне уже тоже покойным лесником – нашли на опушке леса, когда отправились туда за первыми майскими грибами.

– Один Нугзарка был. Ни родителей, ни братьев. Волчица то ли его бросила, то ли он потерялся, то ли с самой что случилось, но он долго полз. Отощал совсем. Еле его выходили. Сгущенкой с водой разведенной отпаивали. Потом окреп, уже на каши перешел. Ничего, вырос, будь здоров, не хуже других. Думали, вроде собаки нам будет.

Только на цепи волк сидеть не желал. Каждую ночь выл так, что старухи не могли спать. Нугзар переселился жить к леснику, но и там недолго прожил. Начал тосковать, хиреть. Пришлось отпустить серого в лес, куда рвалась его дикая душа.

Катя устала слушать болтовню старух и задремала. Когда утром она открыла глаза, то старухи все еще продолжали обсуждать смерть волка. Они судили и рядили так и этак, что

могло с ним приключиться, но Катя сегодня не была настроена тянуть время и щадить старух.

– Вашего Нугзарку отравили, – решительно сказала она и села на диванчике. – То мясо, которое мы положили в пельмени, было испорчено. В нем был яд! Вот и все дела. Вы говорили, что мясо привезла матушка Галина? Значит, она и подмешала к мясу яд. А зачем? Может быть, хотела отравить одну из вас? Или даже обеих?

Старушки смотрели на девушку с таким выражением, словно Катя сказала невесть какую глупость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.